

труда, автор делает ряд тонких и глубоких наблюдений, заставляющих подчас источники играть новыми красками, не заметными на первый взгляд. Именно в силу этого работа К. Н. Успенского не утратила своей свежести и интереса и сейчас. Если ряд положений, высказанных К. Н. Успенским, являются не убедительными и не доказанными с точки зрения требования современной марксистской науки, то все же нельзя не признать, что их удельный вес в данной (источниковедческой по своим задачам) части работы не так уж велик по сравнению с тем большим вкладом, который автор сделал в части новой оценки известий Феофана, Анастасия и Никифора для социальной истории иконоборческого движения. Ярко и интересно поставлен вопрос о личности Анастасия и правильно подвергнут смягчению резкий, уничтожающий отзыв де Боора о познаниях Анастасия в греческом языке. Обоснованной является и полемика против оценок де Боора и предпринятая им реабилитация перевода Анастасия Библиотекаря. Таким образом, в оценке этих источников К. Н. Успенский сказал новое слово, пошел значительно дальше своих предшественников, и результаты его наблюдений могут бесспорно оказаться чрезвычайно полезными для всякого ученого, занимающегося проблемами византийской истории VIII—IX вв.

Е. Э. Липшиц

ФЕОФАН И ЕГО ХРОНОГРАФИЯ

1

Нет никакого сомнения в том, что в ряде исторических источников иконоборческого движения на первое, руководящее место выдвигается Хронография Феофана Исповедника. С одной стороны, это летописное повествование в своем целом решительно признано центральным в византийской хронографической литературе — по обстоятельности изложения, мастерству расположения материала, прекрасному выбору его и т. д. А с другой — в той части, которая заключает в себе историю иконоборческих императоров, Феофан является самым ранним и в значительной мере современным первоисточником, имея то же значение, что, например, Фукидид для истории Пелопоннесской войны. И здесь вопрос о том, что мог знать и сообщить историк, сменяется иным — что он желал сообщить.

Как будто бы в этой последней части своего огромного труда, где он, как казалось бы, ни от какого предшественника-летописателя не зависел, Феофан и должен быть особенно ценен. И если он сообщает не все из того, что знал, то во всяком случае то, что он сообщает, достоверно и фактично. Если он пристрастен и окрашивает сообщения в определенный цвет, если, как современник, не в состоянии отказаться от субъективной оценки и изображения, то зная, кто он, мы могли бы все-таки добраться, путем отслаивания субъективных налетов и искажений, до той правды, которая „там внутри“. Заранее оговариваюсь, что в пределах моей темы я считаю возможным говорить о Феофане только как об источнике иконоборческого движения, т. е. имею в виду лишь ту часть его Хронографии, которая явственным образом отделяется в самостоятельное произведение, как по составу источников, так и по преобладанию здесь уже субъективного момента. Поэтому я, уверенный в своей правоте, оставляю в стороне те „кардинальные“ вопросы, которые обыкновенно ставились и решались по отношению к Феофану

в целом, и среди них, конечно, особенно привлекавший к себе ученое внимание — вопрос о хронологии и принципе летоисчисления у Феофана, который мне представляется безнадежно запутанным. Но большой вопрос прежде всего в том, можем ли мы узнать настоящего Феофана, т. е. раскрыть и установить, как повествовал этот самый влиятельный из византийских летописцев. В нашем распоряжении целый рой рукописей, в которых передана хронография, целый ряд позднейших хроник, извлекающих или выписывающих Феофана (косвенное предание текста его летописи), начиная с Кедрина и Парижской анонимной хроники (Cod. Paris., 1712). Виднейший и авторитетнейший исследователь текста хронографии Феофана де Боор из сравнительного изучения всех греческих рукописей пришел к выводу, что наилучше передает подлинный ее состав Ватиканская рукопись 154. Но она оканчивается царствованием императора Юстина I.

Что же касается полных — греческих — списков, то в научной литературе о византийской хронографии преобладает взгляд, что летопись Феофана мало пострадала от сотрудничества позднейших справщиков и дошла до нас почти в неизменном виде первичного текста.¹ Г. П. Преображенский² решительным образом вооружается против этого утвердившегося мнения, доказывая, что среди греческих списков хроники не сохранилось ни одного, который стоял бы вне влияния редакторской корректуры и переработки позднейшего времени.

Промежуток времени от написания Феофаном его произведения до появления тех рукописей с его хроникой, которые уцелели до нашего времени и по которым мы узнаем Феофана, поскольку древнейшей из них является рукопись Cod. Paris. 1710—X в., занят как раз явственно засвидетельствованным оживлением историографических занятий. Эта своеобразная литературная работа, достигающая своего расцвета при императоре Константине VII — и можно сказать, даже отчасти под его руководством, — характеризуется как раз стремлением собирать старые писания, делать из них извлечения, взаимно пополнять их друг другом. Если при Константине Багрянородном появляются сборники извлечений из древних писателей, то естественно предположить, что и исторические сочинения предшествующего времени, в том числе и многочитавшаяся летопись Феофана, должны были подвергнуться выправлению и реставрации. Предположение это утверждается на тех своеобразных взглядах, которые господствовали в византийской исторической литературе. Основной и исключительной задачей здесь было создать единую наиполнейшую „историю“, единую „хронографию“ с возможной полнотой исторического повествования. Византийские историки мало дорожили сохранением трудов своих предшественников в первоначальном, подлинном виде. И напротив, чем авторитетнее был предшествующий писатель, тем с большим уважением и любовью к нему старались расширить и досовершенствовать его до исчерпывающей полноты содержания: он являлся наиболее податливым фоном для их „син-эклектической“ работы. Иначе и не могло быть при тогдашних взглядах на задачи исторической работы и при технических ее трудностях, при недостатке и дороговизне материальных ее средств.

Хотя эти соображения и имеют силу главным образом для тех первых частей летописи Феофана, которые он составлял по источникам, посредством извлечений из которых его и пополняли и корригировали

¹ Krumbacher. *Gesch. der Byz. Litt.*

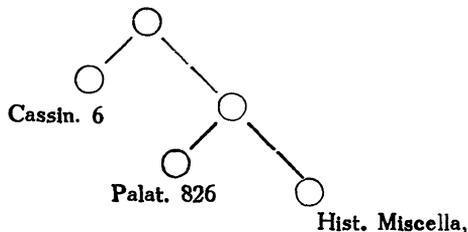
² Летописное повествование св. Феофана Исповедника, стр. 32 слл.

хронографисты-компиляторы X—XI вв., в то время как интересующая нас в данном случае последняя часть, повествующая об иконоборческой эпохе, как составленная, в большей или меньшей степени, самостоятельно или на основании еще ходивших в его время в византийской публике рассказов о „нечестивых“ царях-иконоборцах, не в такой силе располагала к распространению, — тем не менее, имея даже в виду только этот важный для нас конец летописи, приходится, для суждения о произведении Феофана, выдвигать как документ первостепенной, решающей важности — *Chronographia tripartita* — Анастасия Библиотекаря, составлявшуюся, несомненно, еще в пределах IX столетия и не испытавшую, по справедливому замечанию Преображенского,³ на себе услуг посторонних сотрудников. И поступать таким образом приходится в разрез с мнением де Боора, который, хотя и очень серьезно отнесся к латинскому переводу, сличив и проверив текст его по целому ряду списков, внимательно исследовав достоинства и недостатки Анастасия как переводчика, но тем не менее в результате отказался признать крупное значение для критики текста летописи Феофана за переводом Анастасия.

Г. П. Преображенский⁴ занимает правильную позицию, возражая де Боору, но следует сознаться, что его возражения слишком мягки и слабы, чтобы стать убедительными. Вопрос о значении *Chronographia tripartita* очень важен в исследовании текста Феофана и не может быть решен двумя-тремя общими фразами.

Прежде всего, думается, необходимо установить, каков состав и качество рукописной наличности самого Анастасия. Труд де Боора,⁵ надо заметить, является чрезвычайно удобным и незаменимым пособием, так как, предоставляя всю полноту материала, дает возможность работать, не обращаясь к недоступным в настоящее время рукописным текстам.

Мы не имеем уже собственноручного списка перевода (*Utexemplar*). Перед нами переписанные экземпляры, в которых, как бы аккуратно и заботливо ни были они сделаны, неизбежны ошибки и порчи. Последние должны тем увеличиваться, чем позднее сделаны списки. И большой вопрос, насколько наши рукописи точно передают подлинную речь Анастасия. Де Боору кажется, что вопрос этот разрешается далеко не удовлетворительно. Древнейшими списками перевода, которые де Боор и полагает в основу своего издания, являются: Кассинский 6, Палатинский (Ватиканский) 826 и *Historia Miscella* (главным образом ее вторая половина) = *Vaticanus Palatinus* 909,⁶ относительно которой господствует убеждение, что это — оригинальная рукопись Ландульфа Сагака, передающая рукопись Анастасия X—XI в. Устанавливая стемму

³ Летописное повествование св. Феофана Исповедника, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 50 сл.

⁵ *Theophanis Chronographia*, rec. C. De Boor, vol. II; *Anastasioi Bibl. Historia tripartita*. Lpz., 1885.

⁶ *Drousen*, в *Hermes*, XII, p. 387.

де Боор заключает: где Cassin + Hist. Misc. против Palat., или Cass. + Palat. против Hist. Misc., там мы, несмотря на орфографические особенности, можем предполагать перед собой чтение архетипа. Напротив, согласие Palat. + Hist. Misc. никоим образом не убедительно против Cassin. Пользуясь исчерпывающим критическим аппаратом, приводимым де Боором в его издании *Historia tripartita*, мы без труда убеждаемся в том, что речь здесь может идти только об искажениях и исправлениях отдельных слов, главным образом собственных имен и малопонятных для западных переписчиков греческих терминов и обозначений. Но, с одной стороны, этих расхождений в основных рукописях перевода не так много, а с другой — почти все они и легко примиримы и мало значительны, если не для филолога, каковым преимущественно и выступает де Боор, то для историка. Я проследил эти разночтения в пределах царствований Льва III и Константина V и, помимо причудливых искажений собственных имен, особенно не-византийских (арабских), и наивных ошибок в падежах, временах и числах, легко, однако, исправимых и не препятствующих даже и без помощи греческого текста⁷ восстановить смысл фраз, не мог остановиться ни на чем, компрометирующей рукописную традицию перевода. В общем, списки его, как древнейшие — положенные де Боором в основу восстановления текста Анастасия, очень близки между собою и безусловно совпадают в смысле исторического содержания. Нужно думать, что они дают довольно точное отображение подлинного Анастасия, если не считаться с чисто внешними промахами и искажениями переписчиков, плохо понимавших латинскую речь и сводивших текст с буквы на букву. Такое доверие к рукописному составу Трехчастной истории мотивируется и сравнительно большой хронологической близостью наличных списков к оригиналу. Если эти списки (*Palatinus 826* и *Cassinensis 6*) с достаточной убедительностью относятся к X—XI вв., то от написания перевода Анастасием (т. е. от 70-х годов IX в.) отстоят они на сто лет, а может быть, и того меньше. И как бы де Боор ни подчеркивал „многочитанности“ *Historia tripartita*, все-таки она не могла быть читана и перечитана, писана и переписана настолько, чтобы в какие-нибудь сто лет существенно отдалиться от первоначального состава и текста. На Западе она не могла сделаться „настойной книгой“, какой была на Востоке Хронография Феофана, так как все-таки это была чужая книга, повествовавшая о чуждых событиях. Ссылка на Гуго Флерийского,⁸ которой пользуется де Боор, говорит не за соображения последнего. Ведь этот французский монах — писатель рубежа XI—XII вв., заявляя о своем пользовании переводным трудом Анастасия,⁹ полагает, что он составлен был при Карле Великом,¹⁰ что свидетельствует (если это не простая ошибка позднейшего переписчика) о недостаточном его знакомстве с сочинением Анастасия. Последующее же признание, что *liber tamen ipse per multos latuit annos sed super meis deo volente venit in manibus*, показывает, что как раз на протяжении X—XI вв. перевод Анастасия далеко не пользовался какой-нибудь необыкновенной популярностью и распространенностью на Западе. И ввиду этого ничто не может внушить нам сомнения в том, что в почти сливающимся по фактическому содержанию составу древнейших рукописей мы имеем дело с почти

⁷ Прибегать к которому в данном случае довольно рискованно.

⁸ Hugo Floriacensis. *Historia ecclesiastica*, lib. VI, prolog. — *Monum. Germ. Script.*, t. IX, p. 357.

⁹ Multa, quae secuntur, ab Anastasii Romani bibliothecarii libro decerpsi...

¹⁰ Quem tempore Karoli Magni de graeco transtulit in latinum.

(если не безусловно) подлинным Анастасием. Другой вопрос, с каким Феофаном мы соприкасаемся в переводе Анастасия.

И прежде всего, возможно ли труд Анастасия Библиотекаря считать настоящим переводом Хронографии Феофана, т. е. точной передачей греческого текста последней на латинском языке? Сомнение в такой возможности, в значительной мере не покидающее де Боора, имеет некоторые основания и вытекает из собственных признаний самого Анастасия, какие он делает в предисловии к *Historia tripertita*. Здесь, обращаясь к своему другу, диакону Иоанну, для которого он и предпринял свой перевод, он заявляет: „*Verum quia praecipue necessarium arbitror ea, quae a Theodosio principe juniore in ecclesia gesta sunt, enarrandi, ad cujus videlicet tempora Theodoretus, Socrates et Sozomenus Eusebium Pamphili subsequentes libros ecclesiasticae historiae texuerunt, operae pretium duxi ex Georgii summatim quaedam et Theophanis Chronographia plura sed succincte carpendi*“¹¹, и далее: „*Porro sic ego ex his duobus illustribus viris quaedam difflorare proposui, ut paene omnia, quae a supra nominatis historiographis commemorata sunt, a me commemoranda non duxerim; ex civilibus autem gestis quaedam summatim excerpsi quamvis a Justiniano principe ac deinceps pauca omiserim eorum, quae ab his chronographis relata sunt*“. Де Боор справедливо указывает, что о настоящем переводе Феофана у Анастасия можно говорить только начиная с Юстина II, даже с Маврикия. Предшествующее же изложение, представляющее экцерпирование, переходящее часто в сжатое эпитомирование, конечно является материалом, мало пригодным для критики греческого текста оригинала. Поскольку, однако, мы в данной связи заинтересованы исключительно последней частью Летописи, мы и будем отстаивать соответствующую часть перевода Анастасия от нападок немецкого критика и издателя. Де Боор, на мой взгляд, совсем неправ, утверждая, что и в позднейших частях Анастасий в смысле полной передачи оригинала не является вполне удовлетворительным свидетелем. Он ссылается на признание Анастасия, что с Юстиниана он выпускал лишь немного, и заключает, что и здесь он переводил не абсолютно все. Это соображение кажется де Боору очень важным, так как лишает возможности из молчания Анастасия всегда заключать с легким сердцем об интерполяциях греческого текста. И особенно относится это не к пропускам целых рассказов и эпизодов, а к вычеркиванию отдельных фраз, даже слов. Что вычеркивает Анастасий, а не вставляют переписчики Феофана — для де Боора ясно, так как „часто писец просто был не в состоянии произвести подобную интерполяцию“.¹² Так у Анастасия мы часто не находим стоящих в греческих рукописях Феофана точных (до обозначения дня) хронологических дат, не застаем и многих топографических указаний, прозвищ, титулатур. Где все это мог бы почерпнуть переписчик? — вопрошает де Боор, — и тотчас же нечаянно сам подсказывает источник переписчика в этих „дополнениях“. Он сопоставляет греческий текст Феофана и перевод с теми источниками Феофана, которыми мы можем еще воспользоваться, и констатирует, что более полный вид совпадает с источником.¹³ Рискованно, однако, ставить эти расхождения на счет сокращений переводчика. Ведь переписчики IX—X вв., как уже я указывал, не только

¹¹ De Boor. *Theophanis Chronographia*, vol. II, p. 33.

¹² Стр. 404.

¹³ Приводятся следующие места из Феофана: 256_{,18}; 262_{,6—8}; 262_{,27}; 271_{,16}; 273_{,28}; 277_{,10—17} — сводимые с Феофилактом Симокаттой.

переписывали излюбленных писателей, но и восполняли и выправляли их, обращаясь за помощью к тем же источникам.

Впрочем, если речь идет исключительно о таких малозначащих для историка „облегчениях текста“, то нет нужды даже настаивать на принадлежности их, как вставок, переписчикам греческого Феофана. Пусть их делал Анастасий. Лишь филологическая придирчивость может считать их изменяющими подлинный лик Феофана, а для историка их обнаружение не может поколебать доверия к Анастасию. И следует поискать в пределах той части повествования Феофана, которая нарочито и подлечит нашему ведению, таких пропусков со стороны Анастасия, которые вносили бы сколько-нибудь существенные изменения в изображение фактов и в отношение к ним автора. Если таковые налицо здесь, где Феофан пишет без источников (не абсолютно, конечно, а относительно), к которым могли прибегнуть переписчики-справщики, тогда Анастасий должен, действительно, быть взят под подозрение. Но необходимо аккуратно проанализировать каждый случай, чтобы убедительно установить, почему мог пропустить Анастасий и почему не мог вставить переписчик:

1. Theophanes, a. m. 6209, I, 391: Τοῦτω τῷ ἔτει Λέων ἐβασίλευσεν ἐκ τῆς Γερμανικῆων (Γερμανικῶν d g y) καταγόμενος, τῇ ἀληθείᾳ δὲ ἐκ τῆς Ἰσαυρίας. ὑπὸ δὲ (om. h.) Ἰουστινιανοῦ τοῦ βασιλέως σὺν τοῖς γονεῦσι μετακίετα ἐν Μ. τῆς Θράκης ἐν τῇ πρώτῃ αὐτοῦ βασιλείᾳ (om. g.) = Anastasius Biblioth. 251. Hoc itaque anno Leo imperare coepit ex Germanicis derivatus, genere Syrus, qui a Justiniano imperatore, cum prius regnaret, transfertur in M. Thraciae.

Первый же случай и весьма поучительный в смысле оказания доверия Анастасию. Греческий текст дает явную нескладницу и бессмыслицу, которая происходит исключительно вследствие заявления — τῇ ἀληθείᾳ δὲ... Последнее — несомненная вставка в Феофана, притом вшитая неловкой рукой, не сумевшей справиться с дальнейшим и допустившей анаколуфию, особенно если принять в расчет пропуск частицы δὲ после ὑπὸ — в некоторых рукописях. Извращен смысл естественной речи Феофана, который не мог противопоставлять там, где надо относить и связывать. По смыслу контекста после ἐκ τῆς Ἰσαυρίας не могло стоять точки — и предложение „ὑπὸ Ἰουστινιανοῦ“ не должно быть главным. Анастасий, несомненно, и дает первоначальный, осмысленный текст, который по-гречески звучал приблизительно так: ... καταγόμενος, Σύρος τῷ γένει, ὃς ὑπὸ Ἰουστινιανοῦ... μετακίετα... Мы убеждаемся, что пропущенная Анастасием фраза — τῇ ἀληθείᾳ... — вставка мудроватшего переписчика, еще и потому, что Феофан нигде не называет Льва III Исавром или происходящим из Исаврии, а считает его сирийцем (напр. 412.3). Здесь не мешает заметить, что вообще название Льва III Исавром и связь этой императорской фамилии с Исаврией — позднего происхождения. Шенк¹⁴ в своем этюде о Льве III справедливо указал, что в современной этому императору литературе (в писаниях Иоанна Дамаскина, римских документах) обозначение Льва Исавром нигде не встречается. Впервые мы его застаем в ряде греческих рукописей с Хронографией Феофана, но в таком контексте, который внушает большие сомнения. Если Лев III — ἐκ τῆς Γερμαν. καταγόμενος, т. е. из Коммагены, области Сирии к востоку от Киликии, то он никак не мог τῇ ἀληθείᾳ происходить из Исаврии, лежавшей между Писидией и Ликаонией. В Συναγωγῇ χρόνων патриарха Никифора — в рукописи Cod. Coislin

¹⁴ См. Byz. Ztschr., 1896; Schenk. Kaiser Leons III Walten im Innern. I Anh., 296 ff.

СХСIII fol. 242° — доведившей список императоров первоначально до Михаила I (811—813), Лев III обозначен еще ὁ Σύρος. После смерти патриарха Никифора — его „синагога“, повидимому, стала популярной, писалась, переписывалась и дополнялась. Во что она превратилась уже к 70-м годам IX в., показывает ее плачевное состояние в переводе Анастасия. Здесь Лев III уже называется Hisaurus (у Феофана Анастасий этого искажения еще не застал), а дальше: *Constantinus filius ejus — cum matre sua Heirene...* т. е. сам Константин V слит с Константином VI, и Ирина стала женой Льва III. Откуда пошло наименование Льва III Исавром, сказать трудно. Но поскольку в нем чувствуется в конце уже IX в. какой-то осудительный оттенок, можно думать, что до него добрались переписчики летописей (Феофана и Никифора) из монахов, нарочно или нечаянно спутавшие сирийскую Германикию с исаврийским Германикополем. В наличной редакции Феофана и проступает некоторое злорадование справщика, настаивающего на том, что „воцарился Лев..., выводящий себя (καταγόμενος) из Германикии, на самом же деле (τῆ ἀληθείᾳ) происходивший из Исаврии“.

2. 392: καὶ ἀφανίζομεν τὴν χώραν αὐτῶν καὶ ποιοῦμεν τὴν θέραιαν ὑμῶν = *Anast. Bibl. et exterminabimus regionem ipsorum.*

3. *Theoph. 396,8 ὁ δὲ εὐσεβῆς βασιλεὺς... ἐποίησαν; 18 ὁ εὐσεβῆς βασιλεὺς μυστικῶς συνέστειλεν* = *Anast. Bibl. 255: imperator vero... consumpsit. 256 imperator... secreto removit.* Пропуск совершенно лишнего εὐσεβῆς у Анастасия поддерживается рукописью d (*Cod. Paris. 1710*) и, таким образом, объяснять его личным недоброжелательством переводчика к императору Льву III довольно затруднительно: ведь d-Paris. 1710 — как-никак древнейший из имеющихся ныне списков (греческих) Хронографии Феофана. Де Боор,¹⁵ ссылаясь на одинаковую будто бы склонность Анастасия и переписчика d к сокращениям и на вероятное заимствование всего рассказа Феофаном из источника, благорасположенного ко Льву III, считает более приемлемым, чтобы два различных, самостоятельно работавших читателя хроники вычеркнули обозначение, казавшееся им неподходящим для инициатора иконоборческого нечестия, чем чтобы кому-нибудь пришло в голову интерполировать это εὐσεβῆς. На это необходимо возразить, во-первых, что, если Феофан и заимствовал рассказ из источника, расположенного ко Льву III, то сам он, вообще не проявляя к нему такого же чувства, едва ли был настолько небрежен, что не заметил этих двух странных для себя εὐσεβῆς, а во-вторых то, на что указывал уже Преображенский,¹⁶ — именно, что такое совпадение в проявлениях склонности сокращать у писца d и переводчика — является поистине чудом. Весь текст стр. 396 без пропуска хотя бы полуслова, кроме двух εὐσεβῆς — передается западным переводчиком IX в. и восточным редактором X в.¹⁷ Наконец, в-третьих, надо сознаться, что вообще благовоительный ко Льву III характер данного отдела летописи, из уверенности в котором де Боор исходит в своих рассуждениях, весьма подозрителен, да и мало понятен. Почему Феофан, в общем безусловно озлобленный против первого гонителя икон и истребителя благочестия, в повествовании о первых годах царствования Льва III

¹⁵ *Theoph. Chr. II, 537, прим.*

¹⁶ *Op. cit., стр. 35.*

¹⁷ Не следует оставлять без внимания и еще одну особенность в пределах той же страницы текста, которую Анастасий разделяет с d — в противоположность прочим рукописям: 396,10 — ἐποίησεν = *Anast. — consumpsit, в то время как rel. дают ошибочное ἐποίησαν.* Укрепляя перевод, этот случай решительно выдвигает и *Cod. Paris. 1710* как надежнейший список.

допустил бы не только безразличие, но и восхваление (упорное εὐσεβής)? Ведь когда он писал это, он уже знал всего Льва III до конца: едва ли он мог проводить так тонко различие до-иконоборческого и иконоборческого Льва. Выходило бы, что близкий и заинтересованный Феофан с легким сердцем предаёт „некоторому забвению“ иконоборческие неистовства заводчику нечестия, а далекий во всех смыслах Анастасий все ещё настолько раздражен против давно уже умершего императора, что, несмотря на обещание дать точный перевод, исправляет Феофана и унижает Льва III. И далее, что доказывает в рассказе — благовольтельное отношение ко Льву III кроме двух εὐσεβής? Де Боор ссылается на заключительное заявление этого эпизода и на предшествующее ему сообщение о поведении Льва при императоре Феодосии. Оба эти места он берет в том виде, в каком ему удобно. Что касается первого, то оно¹⁸ в греческих рукописях единогласно звучит: „ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ παναγία παρθένος Θεοτάκος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασιλείον“, но у Анастасия:¹⁹ „quia deus et sanctissima virgo deique mater hanc muniunt urbem et Christianorum imperatorem“. Но из этого сопоставления мы убеждаемся, что Анастасий, более чем кто-либо из редакторов Феофана, был склонен хорошо отнестись ко Льву III, а в таком случае ему незачем было вычеркивать и εὐσεβής; а в то же время у Феофана едва ли первоначально стояло τὸν τ. χρ. βασιλέα вместо τὸ βασιλείον, так как, если последнее считать за исправление справщиков, недоброжелательных ко Льву III, то непонятно, почему они так дружно выправили здесь τὸν βασιλέα в безразличное τὸ βασιλείον, но так же дружно оставили (будто бы) два εὐσεβής в одинаковых местах (напр. 397,²⁹ — стоит всюду просто ὁ βασιλεύς), а кроме того и выражение τῆ θεῆς συμμαχίᾳ — при — ὁ βασιλεύς... πυριαλώτους αὐτὰς ἐποίησεν, и двукратное заявление, что в победе над арабами императору помогал ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου.²⁰ Да если бы в конце и стояло τὸν βασιλέα, то оно не могло бы показаться соблазнительным, так как это выражение понимает не личность Льва III, а императорскую власть вообще. И все-таки я думаю, что сам Феофан написал здесь τὸ βασιλείον, более уместное, чем τὸν βασιλέα, а Анастасий допустил просто ошибку, подобных которой у него очень не мало и которая легко разъясняется.²¹

Второе место — знаменитое 395,⁷⁻⁸: „Τοῦ δὲ Θεοδοσίου βασιλεύσαντος καὶ τοῦ Ἀρτεμίου ἐκδιωχθέντος, καὶ τῆς τῶν Ῥωμαίων πολιτείας συγκεχυμένης οὕσης ἐκ τε βαρβάρων ἐπιδρομῆς καὶ ἐκ τῶν τοῦ Ἰουστινιανοῦ μιαιφονιῶν καὶ τῶν τοῦ Φιλιππικοῦ ἀνοσουργιῶν, οὗτος ὁ εἰρημένος (om. D NB; εὐσεβής — с. Cod. Vatic. 155 NB NB). Λέων ὑπερεμάχει τῷ Ἀρτεμίῳ ἐναντιούμενος Θεοδοσίῳ, εἶχε δὲ συμφωνοῦντα αὐτῷ καὶ συντρέχοντα Ἀρταύαχον, τὸν τῶν Ἀρμενιάκων στρατηγόν...“ у Анастасия читается так: II, 255: „cum vero Theodosius imperasset et pulsus Artemius exstitisset, Romanorumque res publica esset confusa tam ex barbarorum incursu quam ex Justiniani homicidiis et Philippici scelestis actibus, hic Leo simulabatur et pro Artemio expugnabat Theodosio adversatus, quin, ut verum dicatur, ad se ipsum imperium trans-

¹⁸ Theoph., I, 398.

¹⁹ Anast., II, 257.

²⁰ 396,¹⁷⁻¹⁸; 397,¹²⁻¹³.

²¹ Кстати: у Анастасия — 258,²⁹ — опускается и δυσσεβής в применении ко Льву III: natus est Leonī principi filius... = Theoph., 399,²⁸ ἐτέχθη τῷ δυσσεβῆ βασιλεῖ Λέοντι... Пропуск поддерживается рук. Cod. Paris. Reg. 1711 и контекстом, так как повествование предшествующего года заканчивается тщетной попыткой нечестивого Омара свратить Льва III путем догматического послания. Между прочим, Анастасий называет Омара impius, каковое опущено в архетипе наших списков.

ferre decertans; quod et fecit. Habebat autem concordantem et concurrentem sibi Artabasdam, Armeniacorum praetorem". Расхождение очень крупное. Де Боор²² уверен, что в греческом тексте мы имеем выписку Феофана из явно расположенного к императору источника, выписку, сохраненную летописателем почти в полной неприкосновенности,²³ а этот первоначальный текст искажается или переправляется, и довольно грубо и решительно, Анастасием, допускающим здесь полный диссонанс в отношении всего отдела хроники, не обнаруживающего резкого недоброжелательства ко Льву III. Писец же или читатель архетипа всех наличных рукописей, стоявший еще близко ко времени иконоборцев, конечно не имел оснований так выправлять текст в пользу первого иконоборческого императора. Только Анастасий, в своем неблагоприятном отношении ко Льву, мог так самостоятельно расправиться с рассказом об узурпаторе.

С соображениями и уверениями де Боора трудно согласиться.

1) Анастасий заявляет: nihil meum in hoc prorsus insertum, — и действительно, остается верен своему заявлению, а данное исправление, если его приписывать Анастасию, нельзя не считать весьма существенным.

2) Анастасий, как я уже говорил, не имел уже оснований злоститься против Льва III, да и кроме этого случая нигде и нельзя указать у него проявлений злобы. Напротив, он допускает даже lapsus, явно благоприятный для Льва III (τὸν βασιλέα вместо τὸ βασιλεῖον) всего через несколько страниц.

3) Версия Анастасия не звучит диссонансом в отношении тона данного „отдела“ Феофана, так как повествование стр. 391—395,¹² о прошлом Льва III стоит совершенно особняком от дальнейшего изложения 375,¹²—398,⁵—о большой победе над арабами уже царствующего Льва.

4) Ничего особо благоволительного ко Льву III не заключает в себе и версия „архетипа“: она только менее резко недоброжелательна, чем анастасиевская, но далека от изображения его героем. Таким образом, ссылаясь на этот эпизод в данной связи нельзя не признать очень рискованной. Вглядываясь в греческий текст, не трудно обнаружить в нем нескладки и неясности, которые показывают, что мы имеем дело с изуродованной речью: чья-то грубая рука смазала текст. Как бы низко мы ни ценили повествователя Феофана, все-таки следует ручаться, что он не мог написать в данном контексте — „οὗτος ὁ εἰρημένος Λέων“, не мог написать после „ὕπερμαχαι“ — ἐναντιούμενος — „εἶχε δὲ συμφωνούντα — κτλ“. Первое — нескладно, а второе бессмысленно. После того как летописец сообщил в начале рассказа — τοῦτω τῷ ἔτει Λέων ἐβασίλευσεν... и описал его злоключения, Лев III уже не мог быть назван „οὗτος ὁ εἰρημένος“. И если Лев III ратовал за Артемия, противоборствуя Феодосию — и только, то в каких стремлениях и планах и вообще для каких достижений имел он единомышленником и помощником Артавазда? Несуразное εἰρημένος и пропущено еще в надежнейшей рукописи Cod. Paris. 1710-d, а в Cod. Vatic. 155-c и здесь вместо εἰρημένος поставлено соблазнительное εὐσεβής. Эти колебания списков подсказывают, что εἰρημένος — уже довольно позднего происхождения и у самого Феофана отсутствовало, как о том свидетельствует Анастасий + древнейший список d: там было οὗτος Λέων (d.) = hic Leo (Anast.).²⁴

²² Theorh., II, 407.

²³ Я уже говорил, насколько это неожиданно и странно со стороны Феофана Исповедника.

²⁴ Может быть, прав Преображенский, считающий, что ὁ εἰρημένος проникало в рукописи под влиянием Анонима Cod. Paris. 1712 и хроники, списываемой Кедрином. Конъектура же де Боора, исправляющего на основании все-таки Анастасия (правда, под знаком вопроса) εἰρημένος в εἰρωνευόμενος, произвольна.

Но важнее то, что фраза — εἶχε δὲ συμφωνούντων... явно показывает существенный пропуск в изложении, и очевидно, фразы, говорившей о каких-то личных планах и выступлениях „этого Льва“, в которых ему сочувствовал и содействовал Артавазд, за что, воцарившись, Лев и отблагодарил и возвысил его. Едва ли можно родниться с человеком и возводить его в куропалаты только за „симфонию“ во вражде к Феодосию и преданности Артемию. Я не сомневаюсь, что в указании на Артавазда и застрял в „архетипе“ имеющихся списков хвост первоначального изложения, отразившегося еще у Анастасия, у которого все сообщение получает и смысл и значение. Смягчала, искажая, это уверенное сообщение о происках Льва III²⁵ и усиленно вставляла εὐσεβής, очевидно, одна и та же довольно поздняя рука, — рука, может быть действительно, светского редактора, увлекшегося воинственным духом и успехами Льва III²⁶ и дерзнувшего особенно явственно противоположить начальную εὐσεβεία императора (первые десять лет!) и последующую иконоборческую δυσσεβεία его, что хотя и выражено уже у Феοφана, но слабо и нерешительно.

4. Впрочем этот поворот к δυσσεβεία Льва со стороны писца-справщика происходит скорее, чем того можно ожидать: в а. м. 6209 — он усиленно прибавляет ненужное εὐσεβής, а уж под а. м. 6211 (399,²⁸) переписывает: „τούτῳ τῷ ἔτει ἐτέχθη τῷ δυσσεβεῖ βασιλεῖ Λέοντι ὁ δυσσεβέστερος αὐτοῦ υἱός“... = Anastasius (258,²⁹) „anno... natus est Leoni principi filius nomine Constantinus, qui magis illo impius fuit...“, причем Анастасий подкрепляется рукописью g (Cod. Paris. Reg. 1711).

5. Только констатируем не нуждающиеся в комментариях и ничтожные в историческом смысле дальнейшие „опущения“ Анастасия: Theophanes, 400,³¹⁶⁻¹⁷: ἕως τῆς χαλκῆς πυλῆς τοῦ παλατίου = Anastasius Biblioth. 259,¹¹ usque ad aeneam portam; 400,²⁶ ὁμοίως δὲ καὶ Σισίνιον = Anastasius 259,¹²⁰ Sisinnium.

6. Повествование о папе Стефане и его бегстве к франкам (402,²⁰—403,²³), отсутствующее в данном месте у Анастасия, представляет собой несомненную схолию к 403,²⁹: „Στέφανος δὲ ὁ πάπας Ῥώμης, προσέφυγεν εἰς τοὺς Φράγγους“, перенесенную редактором из первоначального места (а. м. 6234, Theoph. 418,¹¹), где его и застал еще Анастасий.

7. Анастасий пропускает: а) Theoph. 404,¹⁰⁻¹¹: „τῷ δ' αὐτῷ ἔτει καὶ ὁ χειμάρρος, πλημμυρῆσας εἰσῆλθεν εἰς Ἑδέσαν τὴν πόλιν καὶ πολλοὺς ἠφάνισεν“; б) Theoph. 404,¹⁴⁻¹⁵: „Καὶ γέγονε θανατικὸν ἐν Συρίᾳ καὶ αἱ κάμηλοι τοῦ πρωτοσυμβούλου ἐκάησαν εἰς τὸν ἅγιον Ἥλιον“; в) Theoph. 412,⁴⁻⁵: „καὶ εἰσῆλθεν ὁ χειμάρρος ἐν Ἑδέσῃ μὴνι Περιτίῳ κηπ“; д) Theoph. 410,³⁰⁻³¹: „Τούτῳ τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν Μαυρίας τὴν Ῥωμανίαν καὶ ἐπανελθὼν οὐ μετὰ πολλὰς ἡμέρας τοῦ ἵππου πεσὼν ἀπέψυξεν“.

К этой серии легко отнести и вставляемое в рукописях Cod. Vat. Palat. 395 и Cod. Monacensis Graec. 391-k Theoph. 399,⁵: Ὁ δὲ Μέσελμας ἀπάρας ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου κατησχισμένος (sic.) κατέλαβε τὴν Δαμασκόν, εὗρε δὲ καὶ τὸν Μαργῆν, τὸν αὐδέ(ν)την αὐτοῦ καὶ ἀμεριμνή, τελευτήσαντος. ἀν' αὐτοῦ δὲ ἐκράτησεν Οὐμαρῆς (NB) καὶ πάλιν ἀπέστειλε τὸν Μέσελμα τοῦ πολιορκῆσαι τὸ Βυζάντιον διὰ τῆς γῆς καὶ θαλάσσης. οὗτος ὁ Οὐμαρῆς ἐσχατος υἱὸς τοῦ Ἀπτελαζίζ. Этой вставки, конечно, еще нет и в переводе.²⁷

²⁵ Преображенский: „впервые в P' = Kedr. 787.6“.

²⁶ Так предполагает Г. П. Преображенский (стр. 35), напоминая о вставляемых тем же редактором εὐσεβέστατον (216,⁸) и εὐσεβέστατος (233,¹) в применении к Юстиниану, опущенных опять-таки у Анастасия.

²⁷ Но уже Кедрин (или его эксцерптор Феοφана) читал эти известия, и они точно перешли в его компендий (Ed. Bonn., 794, 18; 21).

Первые два (три) пропуска поддержаны лучшим списком Cod. Paris. 1710¹, и эта очень постоянная солидарность перевода и d должна быть принята в особое внимание, потому что такого случайного совпадения быть не может. Более всего похоже на то, что редакторы-переписчики вводили эти „местные дополнения“, руководствуясь какой-нибудь местной (сирийской?) хроникой. И вероятно, эти справки вставлены были в переписываемого Феофана не зараз, одним справщиком, а наслаивались постепенно. Такая догадка подсказывается присутствием лишь в двух сравнительно поздних списках, „примечания об Омаре и Меселме“. Кое-что аналогичное вставлено было в Феофана уже когда его взялся переводить Анастасий. И трудно уже теперь, на основании имеющегося материала, решить, многое ли из этих „сирийских“ сообщений записано рукой самого летописца Феофана. Последний пропуск о походе и смерти Мавии хотя никем из греческих свидетелей не подтверждается, все-таки не может быть объяснен „облегчительными стремлениями“ переводчика. Анастасий, если и облегчает текст, то только в пределах отдельных слов, незначительных фраз. Вычеркивать целое сообщение, притом заключающее в себе события целого года (двадцатого — царствования Льва III) Анастасий никогда не решает. Тем более странным такой пропуск должен казаться здесь — после целого ряда введенных в текст таких же кратких и „чужестранных“ известий. Почему ему могло не понравиться или показаться лишним именно это, а не соседнее, хотя бы предшествующее: „Τούτω τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν Σουλεϊμάν, ὁ τοῦ Ἰσαΐμ, τὴν τῶν Ἀρμενίων χώραν καὶ οὐδὲν ἤνυσεν“. Вероятно, что в „раннем“ Феофане, которого знал еще Анастасий, и не стояло это известие и двадцатый год царствования Льва оказывался пустым. По крайней мере, у Кедрина (800,₂₁), хотя и сжато излагающего здесь материал Феофана, мы, однако, едва ли случайно, встречаемся с такой формулой: τῷ ἡ' καὶ ὦ' καὶ χ' ἔτει — и т. д. 20-й год знаменательно пропущен. Переписчику такая пустота не понравилась, и он решил ее заполнить недорого ему стоившим сообщением о походе Мавии в Римскую землю, состряпанным по образцу целого ряда предшествовавших, а кстати и умертвил его, свалив с лошади, поскольку в дальнейшем выступает уже один брат его Сулейман, а о Мавии больше ни слуху, ни духу в хронографии.

8. Два раза Анастасий (Theoph. 402,₄ — 407,₁₈) при τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκότων — не переводит σεπτῶν.

9. Важный пропуск допускает Анастасий, переводя Theoph. 405,₁₅₋₁₇ „ἐν τούτοις οὖν θεῖω κινούμενοι ζήλω στασιάζουσι κατ' αὐτοῦ μεγάλη ναυμαχία συμφωνήσαντες Ἑλλαδικοὶ τε καὶ οἱ τῶν Κυκλάδων νήσων Κοσμάων τινὰ συνεπιόμενον ἔχοντες εἰς τὸ στεφθῆναι, Ἀγαλλιανὸς δὲ, τουρμάρχης τῶν Ἑλλαδικῶν, ἠγείτο τῆς στρατιᾶς, καὶ Στέφανος“. Anast. Biblioth. 261. — „in his ergo zelo divino moti tumultuantur contra eum, magna congressione navalis exercitus concinnata, tam Helladici quam hi, qui Cycladum fuerant insularum. Agallianus autem, turmarcha Helladicorum, erat militiae dux, simul et Stephanus...“

На первый взгляд, дело все сводится к небрежности Анастасия: он нечаянно пропустил это существенное замечание о претендентстве Космы и тем скомкал и обесцветил весь эпизод. А что он это допустил не нарочно, доказывается дальнейшим упоминанием о Косме, который неожиданно появляется вместе со Стефаном в качестве казненного за видное участие в мятеже. Если это — исконный lapsus Анастасия, перешедший затем во все списки его перевода, тогда и рассуждать не о чем. Но возможно предположение, что первого (а может быть, и второго) упоминания о Косме в первоначальном повествовании Феофана не было.

У Кедрина, правда слабо убедительного в этой части хроники по сжатости заимствований из Феофана, мы не находим ни одного имени вождей этой элладико-кикладской революции.²⁸ Напротив, в *Ἱστορία Σύντομος* патр. Никифора, детально передающего именно этот эпизод, мы встречаемся с попыткой выдвинуть Косму из-за Агаллиана и Стефана — на первое место.²⁹ И здесь так же неожиданно, как Косма у Анастасия (раннего Феофана?), выступает в конце „*ἕτερός τις Στέφανος*“. Можно допустить, что изложение мятежа одинаково не удалось как Никифору, так и Феофану, и редакторы-переписчики последнего выправляли и дополняли его по Никифору (вставка о Косме как антиимператоре), а справщики Никифора, может быть, ввели Стефана из феофановского повествования. Это, конечно, одни предположения, но безусловно верно то, что разобранный пропуск не может компрометировать Анастасия.

10. Может быть еще важнее, и именно для историка иконоборческого движения, сокращение или умолчание Анастасия в конце рассказа а. м. 6221. Феофан дает здесь (во всех наличных рукописях) — 409,₁₈: „*ἐκμανεῖς οὖν ὁ τύραννος ἐπέτεινε τὸν κατὰ τῶν ἁγίων εἰκόνων διωγμὸν, πολλοὶ τε κληρικοὶ καὶ μονασταὶ καὶ εὐλαβεῖς λαϊκοὶ ὑπερεκινδύνευσαν τοῦ ὀρθοῦ τῆς πίστεως λόγου τὸν μαρτυρικὸν ἀναδησάμενοι στέφανον*“³⁰ = *Anast. Biblioth. 265*,₁₉: „*insaniens ergo tyrannus contra venerabiles (sic!) imagines persecutionem extendit. Porro multi clerici ac monachi et religiosi laici pro recto periclitati sunt verbo*“.

На выяснение этого расхождения не может не повлиять то обстоятельство, что эксцерптор у Кедрина, хотя и сокращающий, но всё же очень падкий на сообщения, унижающие и уничтожающие императоров-иконоборцев, — и в данной части вообще довольно точно передающий Феофана, — весь пассаж сжимает в короткую фразу, перекидывая ее несколько назад — до падения патриарха Германа, 796,₁₀: „*αὕξει δὲ τὴν κακίαν Λέων ὁ δυσσεβής, κατὰ τῆς εὐσεβείας τὸν διωγμὸν ἐπιτείνων*“. Можно ругаться, что, будь в предлежавшем этому эксцерптору экземпляре Феофана упоминание о многих „приявших мученический венец“ в царствование Льва III, он не мог бы с таким равнодушием пройти мимо него. Осторожность и сдержанность выражений в рассказе о том же „гонении“ в хронике патр. Никифора поддерживает в убеждении, что и в повествовании Феофана, которое переводил Анастасий, — последней фразы о мученичествах при Льве III не было и что она прибавлена для яркости уже позднее. Какой расчет мог быть у Анастасия опускать это сообщение, на котором и покоится здесь главное ударение: ни спасти Льва III, ни уничтожить его — у далекого и по времени, и по месту переводчика уже не было оснований.

11. Несомненно нечаянный пропуск делает Анастасий, переводя описание карательной экспедиции Льва III. Такая существенная фраза Феофана, как (410,₈₋₉) „*ἠσχύνθη δὲ ὁ μάταιος ναυαγήσαντος τοῦ στόλου εἰς τὸ Ἀδριακὸν πέλαγος*“ — выпала у него явно по недогадке, так как сознательно он ее вычеркивать не мог — и тем более, что затем переводчик, не заме-

²⁸ Кедр. 796, 7-10.

²⁹ Ed. de Boor—58: *Διὸ δὴ καὶ οἱ τὴν Ἑλλάδα καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους οἰκοῦντες... πρὸς τὸν βασιλέα διαστασιάζουσι καὶ πλείστον στόλον ἀφροίσαντες Κοσμᾶν τοῦ ὄνομα ἐφ' ἑαυτοῖς βασιλεύουσι. καὶ πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ἦκον... τῶν δὲ περὶ αὐτὸν ἀρχόντων τις Ἀγαλλιανὸς ὄνομα... ἑαυτὸν τῷ βύθῳ παραδέδωκε. Κοσμᾶς δὲ καὶ ἕτερος τις Στέφανος... τὰς κεφαλὰς ἀπετμήθησαν.*

³⁰ Соответствующее место у патр. Никифора читается так (ed. De Boor, 58): *Ἐξ ἐκείνου τοίνυν πολλοὶ τῶν εὐσεβούντων, ὅσοι τῷ βασιλεῖ οὐ συνετίθεντο δόγματι, τιμωρίας πλείστας καὶ αἰκισμούς ὑπέμενον.*

чая своей ошибки, продолжает: „τις (т. е. после катастрофы) impugnatior dei per amplius saeviens“... = Theoph.: „τότε ὁ θεομάχος ἐπὶ πλείον ἐκμανεῖς...“

12. Чрезвычайно характерные сокращения, выдающие работу над текстом Феофана его греческих переписчиков-справщиков и укрепляющие доверие к Анастасию, мы наблюдаем в той „соблазнительной“ части хроники, которая посвящена общей характеристике императора Константина V. Сам подлинный Феофан, правда, не пощадил выражений, чтобы излить всю — весьма понятную — ненависть и презрение к этому императору, гонителю икон и монахов, к императору, которому суждено было потом превратиться для истории в Копронима и Кавалина, потому что на протяжении более чем столетия после его смерти раздражение и озлобление против него в монашеско-писательской среде не только не ослабевали, но все обострялись, питаясь мстительной легендой. И переписчик Феофана, как только перо его доходило до этого ненавистного образа, до этого приводившего в неистовство имени, уже не мог сдержать его: положительные степени прилагательных превращались в превосходные, пороки и преступления удваивались, „нечестие“ доходило до отрицания Христа, богородицы и всех святых. От такой интенсификации Феофана не мог уже удержаться эксцерптор у Кедрина, а может быть, и сам Кедрин. То же сбивающее речь, ломающее самые фразы, возбуждение налицо и в „архетипе“ наших списков хронографии Феофана, заметное даже безотносительно, помимо сопоставлений с изложением в переводе Анастасия. Главным образом касается это переагроможденного явно вставными надбавками и развалившегося под их напором пассажа 413, 10—17: „ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐφεξῆς καὶ τοῦ δυσσεβ(εστὰς)του(ς) (καὶ παναθλίου) παιδὸς αὐτοῦ τὰς ἀδελφίτους διεξελεῖν πράξεις (ἀνοσιουργοτέρας καὶ θεομισήτους οὐσίας), φιλαλήθως δὲ ἴμως, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπόπτου θεοῦ, καὶ ἀπερίττως εἰς ὠφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς νῦν πλανωμένοις ἀθλίαις (καὶ ἀτσαθάλαις ἀνδραρίοις) εἰς τὴν (τοῦ) παρὰ νομῶτά του βδελυράν) κακοδοξίαν τὰ (?), ἀπὸ τῆς ἡ λέγοντας ἰνδικτιῶνος, ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας“.

Этот период, конечно, нельзя признать доброкачественным ни в литературном, ни просто в грамматическом отношении: он изуродован многословием, которое, с одной стороны, разорвало τὰς πράξεις и τὰ ἀπὸ τῆς ἡ... ἰνδικτιῶνος, а с другой — оборвало незаконченным и мало вразумительным это последнее τὰ ἀπὸ, требующее необходимого ἕως — κτλ. Дорогу к первоначальной речи Феофана здесь и указывает Анастасий, у которого ἄξιον δὲ λοιπὸν καὶ данное место переведено так (268, 13): „dignum autem est de cetero et τοῦ δυσσεβοῦς παιδὸς αὐτοῦ, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπόπτου θεοῦ impii filii ejus, tamquam deo, qui omnia perspicit, contem- φιλαλήθως καὶ ἀπερίττως εἰς ὠφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς plante, veraciter et non superflue ad utilitatem posteris et miseris, qui νῦν πλανωμένοις ἀθλίαις εἰς τὴν κακοδοξίαν αὐτοῦ τὰ ἀδέμιτα διεξελεῖν, nunc in cacodoxia illius decipiuntur, ludibria exequi, δυσσεβοῦς πεπραγμένα ἀπὸ τῆς ἰνδικτιῶνος ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας, quae ab hac X indictione ipsius imperii anni primi usque ἕως τῆς ἰνδικτ. τῆς αὐτοῦ ἀπωλείας ad XIV indictionem mortis illius impie gessit“.

И далее, в переводе строк 18—25 мы не встретим излишних и отзывающихся бранью обозначений греческих рукописей: („ἐμβρόντητος αἰμοβόρος τε καὶ“ и 26 („ὁ παμμύαρος“).

Но особенно примечательны пропуски, которые мы наблюдаем в переводе Анастасия — Theoph. 413, 28—414, 12: „Ἐπεὶ δὲ τὴν πατρικὴν ἀρχὴν σὺν

τῆ κακίᾳ προσέλαβεν, τί δὲ λέγειν, ὅσῃ ἐκ προουμιῶν (ὁ παμμύχρος) τὴν κακίαν ἐκίσσησεν, [καὶ εἰς προϋπτον ταύτην καὶ ἐναέριον ἀνερρίπισε φλόγα; οὐ μικρὰ γὰρ ταύτην βλέποντας τοὺς Χριστιανοὺς κατ-έλαβεν ἀθυμία], ὥστε πάντας [ἐκ προουμιῶν] εὐθὺς δι' ἰταμότητα μισῆσαι αὐτὸν καὶ Ἀρταυάσῳ κυροπαλάτῃ καὶ κόμητι τοῦ Ὀψικίου προστεθῆναι γάμβρω τε αὐτοῦ ἔντι ἐπ' ἀδελφῆ Ἀννῆς, καὶ τὴν βασιλείαν αὐτῷ [ὡς ὀρθοδόξῳ] παραδοῦναι“ = Anast. Biblioth. 268₂₄: „quia vero paternum principatum cum malitia suscepit, non modicam in brevi tempore demonstrat nequitiam ita, ut ab omnibus ob impudentiam confestim odio haberetur, et Artahuasdo curopalati et comiti Obsequii, qui Annam sororem ejus uxorem duxerat, vis pro capessendo imperio imponeretur“.

Разница получается огромная: помимо добавлений, последняя фраза в греческом тексте имеет совершенно иной смысл, чем в переводе. Кто же в данном случае переделывал? Снова приходится указать, что, если бы в том тексте Феофана, с которого переводил Анастасий, стояло всё, что мы имеем в наличных греческих списках, переводчик не имел бы никаких оснований вносить такие изменения и стараться затушевать религиозные мотивы революционной попытки Артавазда. Мы не можем себе даже представить, из каких соображений понадобилось бы ему это делать, тем более, что в дальнейшем развитии этой попытки религиозная окраска привходит, и переводчик там ее и не думает вычеркивать. Но она является не изначальной, а производной: не ортодоксальность Артавазда и нечестие Константина вызвали „решение народа“ передать власть первому помимо второго, а захват власти Артаваздом — попытаться обосноваться и стать приемлемым для столичного населения — посредством обмана (объявления Константина погибшим), обвинения Константина в искажении божественных учений и ложной клятвы патриарха Анастасия. Расхождение между оригиналом и переводом весьма существенное, но Анастасий не мог быть виновником его. Невинность его поддерживается и той внешней литературной корректностью, которой перевод выгодно отличается от греческого текста. Неуместное повторение ἐκ προουμιῶν явно выдает переработку греческого текста и вставку в нем. Неисправно — в синтаксическом отношении — и присоединение самой вставки: „τί δὲ λέγειν, ὅσῃ... καὶ εἰς προϋπτον ταύτην... ἀνερρίπισε φλόγα“.

Спешной и неумелой рукой притиснуто далее и предложение — „οὐ μικρὰ γὰς...“ И в общем — в греческой редакции весь эпизод захвата власти Артаваздом утрачивает осмысленность и искажается противоречием, чего нет в редакции перевода. В самом деле, если нечестие и христорборчество Константина уже привели „христиан“ в такое уныние, что они возненавидели его, вошли в соглашение с Артаваздом и (καὶ) передали ему императорскую власть как православному, в таком случае совершенно излишними и непонятными являются попытки Артавазда убедить этих христиан в том, что Константин V погиб, что он был нечестивец, достойный проклятия, и клятва патриарха перед всем народом. Легко сообразить, однако, что в редакции перевода все это получает и смысл и значение. Наконец (и это, может быть, наиболее убедительный довод в пользу Анастасия), нельзя обойти вниманием изложение событий у патр. Никифора, отличающееся ясностью и обстоятельностью.³¹

³¹ Νικηφ. Ἰστ. Συντ. 59, 15 ff.: „Ἀρτάβαζος δὲ, ὅς γαμβρὸς Κωνσταντίνου ἐπ' ἀδελφῆ ὑπῆρχεν, ἅμα τῷ περιόντῳ λαῷ (στρατηγὸς δὲ τοῦ Ὀψικίου λαοῦ ἐτύγχανεν) καὶ τοῖς δυσὶν υἱεσίν, ὧν ὁ μὲν ἕτερος Νικήτας θάτερος δὲ Νικήφορος ἐκέκλιτο, κατὰ τὸ λεγόμενον τοῦ Δουραλαίου πεδίου ἠυλίετο. καὶ δὴ τυραννίδα εὐθὺς κατ' αὐτοῦ μελετᾷ, τὸν τοῦ πενήτερος θάνατον πυθόμενος, καὶ ὄρκους τὸν ὑπὸ χεῖρα κατεδέσμευε λαὸν αὐτῷ μὲν εὖνουν ἔσσεσθαι, ἕτερον δὲ εἰς βασιλεία μὴ δέχε-

Здесь вполне уже определенно узурпационная попытка представлена как личное предпринятие Артавазда, а не как выступление „христианского народа“, вызванное нечестием и „неправославием“ Константина. И религиозный мотив возмущения уже совершенно отсутствует. Таким образом, важные „пропуски“ Анастасия выясняются довольно убедительно как посылынные домыслы и поправки позднего редактора и писца „архетипа“ существующих греческих списков летописи Феофана.³²

13. По сравнению с вышеозначенной переработкой малозначимыми представляются те словесные расхождения, которыми изобилует конец повествования того же а. м. 6232 в греческом тексте и в переводе:³³ „τῷ δ' αὐτῷ ἔτει ἀνεῖλεν Ἰσαρ... τοὺς... Χριστιανοὺς, ἐν οἷς Εὐστάθιος (ὁ μακάριος) υἱὸς Μαριανοῦ τοῦ (περιβλέπτου) πατρικίου, (πολλὰ βιασθεὶς καὶ τὴν αὐτοῦ εἰλικρινῆ πίστιν μὴ ἀρνησάμενος) μάρτυς ἀληθῆς ἀνεδείχθη εἰς Χαρρᾶν (πόλιν οὕσαν) τῆς Μεσοποταμίας (ἐπίσημον), ἔνθα καὶ τὰ (τίμια αὐτοῦ καὶ ἄγρια) λείψανα ἰάσεις (παντοίας) ἐπιτελοῦσι θεῖα χάριτι. καὶ πολλοὶ δὲ ἕτεροι διὰ (μαρτυρίου) καὶ αἵματος (ἐν Χριστῷ) ἐτελειώθησαν“. Для историка, стремящегося установить возможно первоначальный состав летописи Феофана как источника, подобного рода добавления или пропуски являются безразличными; но все-таки и здесь не никаких оснований приписывать Анастасию внезапно и капризно вспыхнувшее желание только в данном отрывке так исправно „облегчить“ текст от действительно излишних слов. Почему у папского библиотекаря вдруг получилось предубеждение и нерасположение к неведомому мученику Евстафию, к его отцу и к городу Харрану? Естественно думать, что лишние слова в греческом тексте — результат приукрашающей работы писца-справщика, который мог почему-либо особо уважать и чтить пострадавшего от арабов Евстафия, и у которого, что называется, разошлась рука на шаблонно-хвалебные прилагательные (μακάριος, περιβλέπτου, ἐπίσημον, τίμια καὶ ἄγρια...).

14. В дальнейшем повествовании о царствовании Константина V, начиная с а. м. 6233, латинский перевод весьма точно совпадает с текстом греческих рукописей и почти уже не дает „пропусков“.³⁴ Из последних следует отметить очень большой — под а. м. 6235, где Анастасий выпускает целых 17 строк печатного греческого текста (418,₁₉—419,₇). Почему в экземпляре летописи Феофана, с которого делал перевод Анастасий, отсутствовал этот эпизод из истории сирийских арабов — сказать трудно. Возможно, однако, предположить, что пропуск сделан

³² The o r h., 427, ₃₁: ὧν ἐξῆρχε (Θεοδοσίος) ὁ Ἐφέσου υἱὸς Ἀψιμάρου = Anastas. Biblioth. 280, ₁₇: quorum primas erat Ephesenus filius Apsimari. — Я склонен думать, судя по пренебрежительному тону всего рассказа о соборе 754 г., что сам Феофан умышленно не назвал председателя собора по имени, равно как и его товарища он обозначает тоже одним прозвищем о Πασιλλας ὁ Περγγίης, а дальше называет патр. Константина не без гадливости „Κωνσταντῖνος μοναχός“. В греческих списках имя Феодосия появилось позднее от руки доточного, но нечуткого справщика, не заметившего, какой диссонанс в тон речи Феофана он вносит, вставляя имя Аписмарова сына.

³³ The o r h., 414, ₃—10.

³⁴ The o r h., 417, ₆ (σημερον), 418, ₁₆ (μηνι: Ἀπριλλίω ις', ἡμέρῃ ε'); 428, ₆ καὶ τῇ κς' τοῦ αὐτοῦ μηνός = dein Anast. Bibl; 429, ₂₇ καὶ ἦλθον εἰς τοῦ Μακρου τείχους (κατὰ τῆς βασιλίδος πόλεως τὴν ὄρμην ποιησάμενοι), πολλὴν οὖν ἄλωσιν' ἐργασάμενοι (καὶ αἰχμαλωσίαν λαβόντες) ὑπέστρεψαν ἀβλαβεῖς (εἰς τὰ ἴδια); 430, ₆ (ο αὐτός), 433, ₂₄—28 (τούτῳ τῷ ἔτει ἀντήραν οἱ τῆς ἐρήμου καὶ τοῦ Βασιλῶν τῷ Ἀβδελα, δυο ἀδελφοί, οὓς ἀποστείλας ἀνέτελε σὺν χιλισίαν π' στρατοῦ), 29 (Κομανίτης ἐπιλεγόμενος); 437, ₂₅ (του Ἰουλίου μηνός εἰσῆλθεν ἀδόξως, ἐν τῇ πόλει), 438, ₁₄ Χριστοφόρος ὁ (κατὰ τὸν πατρικιον Ἰμερίον) σπαθάριος, 16: Θεοφολακτος κανδιδάτος (ὁ κατὰ τὸν Μαρινίχην), 443, ₃ (ἰνδικτιῶνος ζ', ἡμέρῃ σαββάτῳ) и 444, ₁₁ (β' τοῦ Ἀπριλλίου μηνός). Перечисленные опущения Анастасия следует признать совсем несущественными для историка, даже если их приписывать небрежности или неточности переводчика.

и самим переводчиком для „облегчения“ текста, поскольку междоусобия арабских вождей никакого отношения к истории Восточной империи и церкви не имели. Точно так же плохо поддается разъяснению и пропуск 427,7-9: „καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἐκοιμήθη ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἀντιοχείας Θεοφύλακτος μηνὶ Δαίσιφ κθ'“, — чему соответствует у Анастасия сбитое в следующий (а. м. 6243) год замечание (280,2) „obeunte sanctissimo Theophylacto (Antiochiae patriarcha.)“. Но рядом с этим уже бесследно пропало у Анастасия то, что стоит во всех списках Феофана (427,12-14): „Τούτῳ τῷ ἔτει (τοὺς πλείους τῶν Χριστιανῶν ὡς συγγενεῖς τῶν προαρξάντων ἀνείλον οἱ προσφάτως κρατήσαντες, δόλῳ τούτους χειρωσάμενοι εἰς Ἀντιπατρίδα τῆς Παλαιστίνης)“. Поддержка этого пропуска Кедриним мало помогает делу, так как эксцерптор этого хрониста здесь очень скупо выписывает Феофана.³⁵ В защиту Анастасия говорит скорее неподготовленность и даже недоразуменность сообщения, говорящего не совсем понятно, о ком и что. Сомнительно, чтобы у подлинного Феофана этот год начинался не с основного события — взятия Константином V Феодосиюполя и Мелитины. Прибавка, вероятно, из какой-нибудь „палестинской“ хроники, появилась позднее — и надо сказать, не к вяншему украшению текста. А вот расхождение Theoph. 442,17-19: „ἀπὸ δὲ τούτου τοῦ χρόνου πλείονι μανία κατὰ τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν ἐχρησάτο“ = Anast. Biblioth. 292,12: „ab hoc autem anno ampliori est insania usus“, — т. е. прибавка греческого текста, вносящая важную и характерную подмену изображаемой далее монахомахии Константина V — икономахией, — идет, очевидно, от редактора „архетипа“, так как Феофан не мог допустить такой бессмыслицы. Анастасий восстанавливает правильный текст.³⁶

Если бы наконец Анастасий, действительно, сознательно опустил такие сообщения, как: 1) Theoph. 444,13-16 — „παρεκάθισε δὲ ὁ Ἀβδελαῖς τὸ Κάμαχον μετὰ πῦλιδων ὄλον τὸ θέρος καὶ μηδὲν ἀνύσας ὑπέστρεψε κατησχυμένος“; особенно же 446,24-25: „ἐκρατήθη δὲ ὁ Κοῦρικος (?) Σέργιος ἐξῶθεν Συκῆς καὶ ὁ Λαχέρβαφος [Σέργιος] εἰς Κύπρον ἐκ προσώπου ὧν τῶν ἔκεισε“ и 447,28-29: εἰσῆλθον κεφαλαὶ σπ' ἀπὸ Ἀφρικῆς καὶ ἐπόμπευσαν ἐν Συρίᾳ“, стоявшие у подлинного Феофана, то это говорило бы за его вдумчивое и внимательное отношение к переводу, за его необыкновенную историческую чуткость и серьезность. Трудно, однако, допустить, чтобы переводчик так деликатно убрал как раз эти не столько излишние, сколько компрометировавшие Феофана своей невразумительностью сообщения (разумею главных образом два последних). Известие о захвате „Курика Сергия“ и „Лахербафа (Сергия)“ помещено так, как этого никогда не делает Феофан, неизменно определяющий служебное положение лиц и значение их в данном событии. Зачем понадобились бы ему эти два непонятных и неведомых Сергия, — догадаться нет возможности. Точно так же странным является для Феофана то, что повествование о годе а. м. 6266 он возглавил таинственным известием о прибытии из Африки „κεφαλαὶ σπ'“: и вообще второстепенные сообщения он обыкновенно ставит позади главных, и в частности — предшествующий год а. м. 6265 и после-

³⁵ Cedr. Hist. Comp. II, 10: Τῷ ἔτει ἐκοιμήθη Θεοφύλακτος ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἀντιοχείας τῷ κα' ἔτει Κωνσταντίνος τὴν Θ. παρέαβεν ἅμα τῇ Μελιτηνῇ, αἰχμαλωτίσας πάντας τοὺς ἐκεῖσε...

³⁶ Ср. также поучительное место: Theoph., 437,1: ὃν λαβόντες οἱ τῆς ἀπαιδευσίας αὐτοῦ μετέχοντες, ἐχθροί (от. D. NB!!) καὶ ὁμόφρονες αὐτῷ γεγονότες σχολαριοί τε καὶ... = Anast. Biblioth. 287: quem hi, qui eruditionis ejus fructum percipiebant et unius cum eo ac similis erant sensus, scholarti quoque... Солидарность лучшего списка и перевода в пропуске бессмысленного ἐχθροί вполне убедительна для восстановления настоящего текста Феофана.

дующий — а. m. 6267 — он и посвящает всецело и начинает определенно с описания действий Константина V против болгар: а) „τούτω τῷ ἔτει... ἐξήγησε Κ. στόλον Χελανθίου, β κατά Βουλγαρίας καί εἰσελθὼν καὶ αὐτός... b) τούτω τῷ ἔτει... ἐξῆλθεν ὁ βασιλεὺς Κ. κατὰ Βουλγάρων...“ Естественно и необходимо было бы ожидать, что и средний а. m. 6266 год, занятый всецело войной с болгарами, Феофан начинал так, как это передал Анастасий в переводе: „Τούτω τῷ ἔτει ὁ βασιλεὺς Κ., (ὡς) λύσας τὴν πρὸς τοὺς Βουλγάρους εἰρήνην ἐξώπλισε πάλιν στόλον πολὺν...“ Начальная фраза этого года более всего похожа на неуклюжую вставку. Но откуда переписчик-редактор „архетипа“ мог раздобыть материал для нее? Де Боор³⁷ настаивает на том, что „die Schreiber gar nicht in der Lage waren, solche Dinge zu interponieren“. Не утверждая категорически, так как имеющегося в нашем распоряжении материала далеко не достаточно для каких бы то ни было утверждений, я решаюсь предположить, что под рукой справщика „архетипа“, в качестве пособия, была некая хроника сирийского происхождения или сам он был хорошо осведомлен в событиях этой области и ближайших к ней местностей: ведь почти все „вставки“ его, или, что то же — „пропуски“ Анастасием фактического содержания, как мы должны убедиться из предшествующего разбора, касаются событий, происшествий и явлений природы именно в этих географических пределах. Если такое предположение допустимо, становятся понятными и те более точные обозначения лиц и мест, которые мы застаем в наличном составе греческих списков, сравнительно с Анастасием, который и здесь заподозревается в „вычеркивании“. Это — 433,²⁹: Κοσμᾶς δὲ τις ἐπίσκοπος Ἐπιφανείας... τῆς Συρίας, (Κομανίτης ἐπιλεγόμενος); 445,⁸ — ὁ Λαχανοδράκων... ἐξαγαγὼν αὐτούς εἰς πεδίον (λεγόμενον Τζουκανιστῆριν), 445,²⁹⁻³⁰ ὁ τῶν Θρακ. στρατηγός Μ. ὁ Λαχαν. ἀποστείλας Λέοντα... (τὸν ἐπιλεγόμενον Κουλοῦκην), καὶ Λέοντα... (τοῦ Κοιτζοδάκτυλον).³⁸

³⁷ Theoph., Chron., II, 404.

³⁸ Только отмечу пропуски перевода — в дальнейшем повествовании о смерти Константина у Theoph. 449,⁹⁻¹¹: Τούτω τῷ ἔτει (ἀποστείλας Μαδί τὸν Ἀθασβαλί κατα Ῥωμανίας μετὰ δυνάμεως πολλῆς, ἤνοιξε τὸ σπῆλαιον τὸ ἐπιλεγόμενον Κάσιν ἀπὸ καπνοῦ(?)!), καὶ λαβὼν τοὺς ἐν αὐτῷ αἰχμαλωτοὺς ὑπέστρεψεν); 451,⁴⁻⁵ „Τούτω τῷ ἔτει (εἰς ἧλθε Θεομάμας ὁ τοῦ Βάχα εἰς Ῥωμανίαν καὶ λαβὼν αἰχμαλωτῶν ὑπέστρεψεν); 451,¹⁸ καὶ Γρηγόριος (ὁ τοῦ Μουσουλακίου); 453,⁷ Παῦλος ὁ τίμιος (ἀναγνώστης ὑπάρχων); 463,¹⁵⁻²¹ Τούτω τῷ ἔτει (ἐξῆλθε κοῦρσον τῶν Ἀράβων κατὰ Ῥωμανίας μηνί Σεπτεμβρίῳ, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸ τῶν ἀνατολικῶν θέμα, εἰς τόπον λεγόμενον Κοπιδόναν (Κοπιναδον-з, Κοπιναδόν-dl), Καὶ ἐπισυναχθέντες οἱ τῶν Ῥωμαίων στρατηγοὶ ἐπολέμησαν μετ' αὐτῶν, καὶ ἠττήθησαν καὶ ἀπέθανον πολλοί, καὶ ἐκ τῶν ἐξορισθέντων δὲ σχολαρίων οὐκ ὀλίγοι. ἔπεσε δὲ καὶ Διογενής, ὁ τῶν ἀνατολικῶν τουργαρχῆς ἰκανός, καὶ τοῦ Ὀφικίου ἄρχοντας)“ — и 463,^{28-464,²; (Φιλίππος δὲ, ὁ τῆς Θράκης στρατηγός, ἀπελθὼν ἐν τῷ Στρυμῶνι καὶ ἀφυλάκτως ἀπληκευσας, ἐπιπεσόντων αὐτῷ ἄφω Βουλγάρων, Βάνηρέθι ὑπ' αὐτῶν σὺν καὶ ἄλλοις πολλοῖς)“. Последние две вставки в греческих списках („архетип“) явно отягощают и перебивают движение повествования о царствовании Ирины. 465,⁴ „συν Ἰωάννη... (τῷ λεγόμενῳ Πῆξηριδίῳ); 466,⁵ Ἀλέξιον...“ (τὸ ἐπικλήν Μουσουλέμ); 463,^{25-469,⁴ καὶ μαθὼν ὁ βασιλεὺς (misit quidem primum ad ecs nonnullos) (= ἀπέλυσε τὸν πρωτοσπαθάριον Κωνσταντῖνον, τὸν Ἀρρασήρ, καὶ τὸν χροισοχέρην, στρατηγόν τῶν Βουκελλαρίων, μετὰ λαοῦ τῶν λοιπῶν θεμάτων, τὸν πιάσι αὐτούς, οἱ δὲ κροτήσαντες πόλεμον πρὸς αὐτοὺς ἐπίασαν ἀμφοτέρους καὶ ἐτύφλωσαν, καὶ ἐσφάγησαν πολλοί: ἐξ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν μηνί Νοεμβρίῳ τῆς α' ἰνδικτιώνος; τῷ δὲ Δεκεμβρίῳ μηνί: κε', ὄρχ δευτέρᾳ, νυκτερινῆς βροντῆς καὶ ἀστραπῆς γενομένης, ἀνήθη μέρους τοῦ βασιλικοῦ ἐργοδοσίου τῶν χρυσοκλαβαρίων κατὰ τὸν χρυσίωνα), 473,²⁸⁻³² (κοῦρσον δὲ αὐτῶν ἕτερον ἐκδραμόν καὶ ἐπιπεσόν Παυλῷ, πατρικίῳ καὶ κόμητι τοῦ Ὀφικίου, σὺν ὄλῳ τῷ θέματι αὐτοῦ καὶ τοῖς ὀπιματοῖς πολλὴν κοπήν εἰς αὐτοὺς ἐποίησαν: ἐπάραν δὲ καὶ τὸ τουλδον αὐτῶν ὑπέστρεψε καὶ αὐτό; 477,¹³⁻¹⁸ ἰνα μῆ... μηκύνων τὸν λόγον (ἦν γὰρ παρὰ φύσιν καὶ τοῦ ἀέρος κατ' αἰτήν ἄδρσον τὸ κατασπῆμα συμβᾶν σκυθωρπὸν καὶ ἀφώτιστον καὶ κρύου ἀναπλέων ἀκαταλλάκτον φθινοπωρινῆ ὄρχ γενομένου, δηλοῦν σαφῶς τὴν ἐσσημένην αὐτοῦ δυστροπίαν καὶ ἀνύπαιστον κάκωσιν, καὶ μάλιστα τοῖς ψηφισαμένοις.), 481,³¹⁻³² (καὶ οὐκ ἦν τὸ πρᾶγμα ξένον τῆς ἐκκλη-}}

2

Не менее важным для определения достоинств перевода является вопрос и о тех добавлениях и расширениях, которые встречаем у Анастасия сравнительно с оригиналом. В данном случае, однако, и сам недоверчиво настроенный к Анастасию де Боор принужден признать, что переводчик почти безукоризненно придерживается своего обещания или заверения: „*nihil meum in hoc opere prorsus insertum praenosce*“. Де Боор, при всей своей придирчивости, мог установить на всем протяжении Хронографии лишь четыре случая вставок со стороны Анастасия, действительно, как ему кажется, существенных для смысла и содержания сообщений. Относительно же прочих сравнительно многочисленных „излишков“ текста перевода в сравнении с наличным греческим текстом, немецкий критик признает, что они или совпадают с доступными нам источниками Феофана и поддерживаются ими, или же восполняют настолько очевидные погрешности в греческом тексте, что не могут внушать никаких сомнений и подозрений. Де Боор объясняет эти погрешности греческого текста тем, что переписчик „архетипа“ мог невольно (а иногда и вольно!) пропускать промежуточные фразы и периоды, заключенные между двумя близко стоящими друг к другу одинаковыми или сходными словами и выражениями. Он настолько уверен в том, что Анастасий дает здесь выпавшие кусочки подлинного текста Феофана, что смело вводит их в устанавливаемый им греческий текст. Что касается отмеченных им четырех „вставок“ Анастасия, то к части летописи, исследуемой нами, относится лишь одна = Theoph., 395,7: „*οὗτος ὁ εἰρημνόμενος Λέων. . .*“, разобранная нами выше и выясненная, как несомненное сохранение Анастасием подлинного текста Феофана, безусловно лучшего, чем в наличных греческих списках. Соображения же де Боора о „прочих“ плюсах перевода, приближающих нас к подлинному Феофану, нельзя не признать справедливыми, но, делая такую уступку, он слишком спешит разделаться с ней, так как она идет наперекор его предвзятому отношению к Анастасию. Необходимо, напротив, подчеркнуть и сравнительную многочисленность таких исправлений, исходящих из перевода, и значительность целого ряда их в смысле содержания. Здесь изучающий с особенной силой убеждается в ценности перевода Анастасия и в его важности для приближения к истинному повествованию Феофана.

Уже первый такой „излишек“ перевода в рассказе о воцарении императора Льва III, молчаливо принимаемый и де Боором и вводимый им в его греческий текст: Theoph., 390,23-24: „*ἔλαβε λόγον (Θεοδόσιος) διὰ τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου παρὰ Λέοντος τῆς αὐτοῦ ἀβλαβείας (et ecclesiae sine perturbatione servandae), καὶ οὕτως ἐγγχειρίζει (committunt Anast. Bibl.) αὐτῷ τὴν βασιλείαν*“, „излишек“, поддерживаемый самим же Theoph., 407,24-25,³⁹ нельзя не признать весьма важным и не поставить в заслугу Анастасию.

σίας καὶ προσφάτως ἐπινοηθέν, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ ἄλλοι ἀπὸ λαϊκῶν ἐπεσκοπήσαν ἀξίως τῆς ἀξίας τοῦ θεοῦ ἱερατεῦσαντες); 432,30-433,2 (ἀποστείλας δὲ Βαρδάνιον τὸν σπαδάριον, τὸ ἐπίκλην Ἀνεμᾶν, πάντα προσήλυτον καὶ παροικὸν ἐπαιχμωλωτεύσας ἐπέρασεν ἐν τῇ Θράκῃ, οἰόμενος οὐκ ὀλίγην ὀλκήν χρυσοῦ παράσασθαι ἐξ αὐτῶν, ἐς ἐτησίων τελεσμάτων, ὃ πάντα διὰ τὸν φιλούμενον αὐτῷ χρυσὸν καὶ οὐ διὰ τὸν χριστὸν πράττων); 484,18-19 (ἐπεκράτησε δὲ τῆς τοιαύτης ἀναρχίας ἣ κατ' ἀλλήλων καὶ ἡμῶν μιαιφονία ἐτη εἶ); 486,19-22, „*καὶ πᾶσα τοὺς παντας εἶχεν ἀμύχανα, (τῶν μὲν πενήτων ἐν τούτοις καὶ τοῖς ἐξῆς ῥηθησομένοις, τῶν δὲ ὑπερεχόντων συμπλασγόντων αὐτοῖς καὶ μὴ δυναμένων βοηθῆσαι ἀπεκδεχομένων τε βαρυτέρας συμφορᾶς)*“; 487,4-5 „*τὰ δὲ κρείττονα τῶν κτημάτων εἰς τὴν βασιλικὴν κουρατορον αἴρσθαι, (τὰ μέντοι τέλη αὐτῶν ἐπιτίθεσθαι τοῖς ἐναπομείνανσιν εἰς τοὺς αὐτοὺς εὐαχεῖς οἴκους κτημασι καὶ παροίκοις, ὡς διπλοῦσθαι πολλῶν τὰ τέλη, τῶν οἰκῆσεων στενουμένων αὐτοῖς καὶ τῶν χωρίων)*“.

³⁹ ἀνέμνησε δὲ αὐτὸν ὁ πατριάρχης καὶ τῶν πρὸ τῆς αυτοκρατορίας αὐτοῦ συνθηκῶν, ὅπως αὐτῷ θεὸν ἐγγυητὴν δέδωκεν ἐν μηδενί σαλευσαι τὴν ἐκκλησίαν τοῦ θεοῦ. . .

То же самое приходится сказать и об исправляющем текст дополнении в переводе Theoph., 398,₁₅₋₁₇,⁴¹ которое с одной стороны сообщает смысл фразе, а с другой делает понятным странное (τε κελεύσεις τε), застрявшее из более исправного текста в списке Cod. Vaticanus 155(c.) Theoph., 409,₈: „χωρίς γὰρ οὐκ οὐμενικῆς συνόδου καινοτομησαι πίστιν ἀδυνατόν μοι, ὃ βρσι-λεῦ = Anast. Bibl. 265,₇₋₈ absque universali quippe synodo innovare fidem impossibile mihi est secundum apostolicam et paternam traditionem, o imperator!“

Theoph., 413,₁₅₋₁₈, явно поврежденное в архетипе наличных греческих рукописей, как мы видели выше, место: „τὰ ἀπο τῆς ἡλέγοντας ἰνδικτιῶνος, ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας (a) незаконченное: ἀπο... предполагает ἕως: b) неясное — по неопределенности опустошенного τὰ) — вполне естественно исправляется переводом: ludibria exsequi, quae ab hac decima indictione ipsius imperii anni primi usque ad quartam decimam indictionem mortis illius impie gessit.

Theoph., 416,₄ — (Ἰσαμ.)... ἔχων τινὰ προσφιλεῖ... Στέφανον... (пропуск сказуемого) τοὺς κατὰ τὴν ἑβάν Χριστιανούς... ψηφίσασθαι αὐτὸν Στέφανον несомненно выправляется у Анастасия: — 270,₁₅ „jubet in Oriente positus christianis... ipsum eligeret Stephanum“. Подобно этому и прибавка в латинском переводе — 271,₇, „mercedem quidem pro me i visitatione a deo recipiat, licet infideles amici sitis“, исправляет греческий текст: Theoph., 416,₂₈: „τὸν μὲν ὑπὲρ τῆς ἐπισκέψεως (μ ο υ) μισθὸν παρὰ θεοῦ λάβοιτε...“, стоящий уже во всех рукописях, исключая только надежнейший Cod. Paris. Reg. 1710.

На следующей же странице Theoph., 417 все наличные греческие списки пропускают V. V. 21—26, стоящие, однако, в переводе Анастасия. Довод, приводимый де Боором против Анастасия в вопросе об его пропусках и не имеющий там большой силы, следует обернуть и применить здесь: если можно сомневаться, откуда бы раздобыли переписчик Феофана те сведения, которых не стояло в первоначальном тексте, полагаясь на передачу Анастасия, то тем более приходится недоумевать, откуда мог почерпнуть Анастасий дополнительные сообщения, которые бы не стояли в первоначальном Феофане. Фразы:⁴¹ „eodem quoque anno Uhalid Cyprios in Syriam transtulit. Artahuhasdus autem Nicetam filium monostrategum promotum ad thema direxit Armeniacorum, porro Nicephorum aequae filium suum coronavit per Anastasium patriarcham“ явным образом были налицо в лучшем списке Хронографии, кою пользовался переводчик.

Не представляется особой нужды продолжать приведение таких исправляющих и ведущих к более исправному тексту Феофана „прибавок“ латинского перевода. Значения их не отрицает ведь и сам де Боор. Но из упорного желания умалить достоинства и перевода и того списка, с которого он сделан Анастасием, он подчеркивает в Historia tripertita такие прибавки, которые по существу ничего нового к повествованию Феофана не прибавляют, являясь соображениями, извлеченными из самого рассказа. Правда, их очень немного⁴² и о них, может быть, не стоило бы и говорить, если бы де Боор не допускал при этом методологической ошибки. Он считает эти добавления принадлежащими Анастасию, поскольку следов их не находится ни в одном из греческих списков, и, таким образом, в своих рассуждениях об изменениях текста и состава

⁴⁰ Παράδειχώς αὐτῷ (ὁ βασιλεὺς) πρὸς συναρσιν αὐτοῦ κελεύσεις (τε-с) πρὸς τοὺς ἄρχοντας τῶν δουτικῶν καὶ σάκραν πρὸς τὸν λαόν = Anast. Biblioth. 257—datis in auxilium ei spathariis duobus et in servitium ejus perpaucis hominibus jussionibusque ad principes Occidentales et sacra populo recitanda.

⁴¹ Anast. Hist. trip., 271,₂₉ ff.

⁴² А в части летописи, исследуемой нами, и вовсе нет.

в оригинале Анастасия опирается на состав повествования исключительно в наличных греческих списках, который еще более требует критической проверки. Г. П. Преображенский⁴³ вполне прав, считая эту рукописную наличность все-таки далеко недостаточной и не надежной для того, чтобы исключительно на ней основывать установление текста и состава произведения Феофана. Он ставит издателю его, де Боору, в серьезный упрек то, что последний ограничился лишь суждениями слишком общего характера о степени пригодности, в качестве критического средства, по восстановлению текста Феофана, заимствований из Феофана у позднейших хронистов, — и в частности, что он не придавал особенного значения тексту Феофана у Кедрина и не исследовал последнего так, как это было бы необходимо в его важном ученом предприятии. Не умаляя значения сделанного Преображенским упрека, солидной и кропотливой аргументацией которого он и занят в своем исследовании о „Летописном повествовании св. Феофана Исповедника“, я должен, по смыслу моей работы, отказаться от привлечения к делу синопсиса Кедрина, хотя и признаю и большой интерес, и большую важность такого изучения для приближения к феофановой подлинности и в частности для утверждения достоинств *Historia tripartita*. Такой отказ мотивируется тем, что в пределах данной работы не предполагалось уходить в критику текстов, а между тем исследование Кедрина и вообще „косвенного предания“ невольно должно перевести внимание изучающего именно в эту область. В то же время следует признать, что в той части повествования, которая привлекается здесь в качестве источника иконоборческого движения, Кедрин или Хроника, списанная им, в значительно большей мере могут иметь решающий голос именно в вопросе установления первоначального текста, чем в главнейшем для нас вопросе о первоначальном составе летописи Феофана. У Кедрина мы имеем дело не только не со сплошной передачей повествования Феофана, но со сжатым и спорадическим эксцерпированием. Судить можно только об отдельных, случайно запавших здесь в довольно полном виде пассажах. Но даже и в границах последних Кедрин выступает убедительным свидетелем высоких качеств того списка летописи Феофана, который послужил оригиналом для перевода Анастасия. Кроме приведенных выше мест, следует обратить внимание на следующие сопоставления:

а) Cedr., II, 6, 20—7, 35: και τὰς οὐσίας αὐτῶν ἐδήμευσεν, ἰππικὸν δὲ ποιήσας εἰσήγαγε τὸν Ἀρτάβασδον σὺν τοῖς υἱοῖς αὐτοῦ καὶ τοῖς φίλοις δεδεμένοις ἅμα Ἀναστασίῳ τῷ ψευδωνύμῳ πατριάρχῃ τυφθέντι δημοσίως καὶ ἐπὶ ὄνῳ ἀντιστρόφως καθεζομένῳ. τοῖς δὲ σὺν αὐτῷ ἐλθοῦσιν ἐξωτικῶς ἐκέλευσεν εἰσερχεσθαι εἰς τοὺς οἴκους καὶ διαρπάξαι τὰς οὐσίας τῶν πολιτῶν. Τὸν δὲ ψευδώνυμον πατριάρχην ὡς ὁμόφρονα αὐτοῦ ἐκφοβήσας καὶ δουλώσας, πάλιν ἐν τῷ θρόνῳ τῆς ἱερουσῆνης ἀποκατέστησε.

Theoph., I, 420, 24: καὶ ἄλλους ἐχειροκόπησε καὶ ἐποδοκόπησεν. ἐπέστρεψε δὲ τοῖς σὺν αὐτῷ εἰσελθοῦσιν ἐξωτικῶς ἀρχούσι εἰσελθεῖν (εἰσερχεσθαι еще d) εἰς τοὺς οἴκους καὶ διαρπάσαι (διαρπάξαι — d) τὰς οὐσίας τῶν πολιτῶν [πολλά τε καὶ ἄλλα ἀναριθμητὰ θεινὰ ἐπεδείξατο τῇ πόλει] ἰππικὸν δὲ ποιήσας, εἰσήγαγε τὸν Ἀρταυασδον σὺν τοῖς υἱοῖς αὐτοῦ καὶ τοῖς φίλοις δεδεμένους (δ — οἱς — f, m.) διὰ τοῦ διιππίου ἅμα Ἀναστασίῳ τῷ ψευδωνύμῳ πατριάρχῃ τυφλωθέντι δημοσίως καὶ (om. f. m. e.) ἐπὶ ὄνῳ ἐξανάστροφα καθήμενῳ, ὃν εἰς τὸ ἰππικὸν εἰσαγαγὼν ἐπόμπευσεν, πάλιν δὲ ὡς ὁμόφρονα αὐτοῦ ἐκφοβήσας καὶ δουλώσας ἐν τῷ θρόνῳ τῆς ἱερουσῆνης ἐκάθισεν.

⁴³ Op. cit., 36 ff.

Anastas. Biblioth. 274₃₁ — et alios manibus seu pedibus ablati debilitavit. Praecepit autem externis militibus, qui secum ingressi sunt, introire domos et rapere familiares civium res. multa quoque et alia, quin et innumera mala urbi monstravit. Cum tunc hippodromum celebraret, introduxit Artahuasdam una cum filiis ejus et amicis ligatum per Dihippium in circum, simul cum Anastasio falsi nominis patriarcha, percusso publice et in asino verso vultu sedente, quos omnes per Dihippium intromissos in circum pompavit. Verum Anastasium, utpote consentaneum suum in throno sacerdotii rursus locavit deterrens et servituti subiciens.

b) Cedr. II, 23₁₀₋₂₂ = Anast. Bibl. 308₄₋₁₅ ∞ Theoph., 463₁₅—464₈.

c) Ряд сравнительно малозначительных для содержания вариантов, не встречающихся в наличных греческих списках, но совпадающих у Кедрина и Анастасия:

С. II, 11₂ και μετὰ ταῦτα = dein Anast., но Theoph., 428₃₆ και τῇ ζῴ τοῦ αὐτοῦ μὴνός; С. II, 12₁₂ ἕως... και τῶν Γαλατῶν = et ad ea, quae dicuntur Galati, но Theoph. 434₂₇ ἕως... και τῶν Γαλάτου. С. II 17₁₆ πέμψον εἰς μοι—transmitte ergo mihi Anast., но Theoph., 448₇ ἀλλὰ πέμψον μοι; С. II 39₇ πορεύου ἀρχόμενος αὐτοῖς = his vade contentius Anast., но Theoph. 488₃₆ πορεύου ἀρχόμενος; С. II, 41₁₅ ἔλκει με ἄκοντα—trahit me nolentem Anast., но Theoph. 490₁₄ ἔλκει ἄκοντα; С. II 42₃₆ προέλεγε—praenuntiabat Anast., но Theoph., 490₃₃ ἔλεγε.

Наличность таких сходств и расхождений, конечно, склоняет к убеждению, что варианты, т. е. пропуски и прибавки в тексте, то более, то менее чувствительные, которые нередко констатируются в переводе Анастасия при сопоставлении с нашим греческим текстом Феофана, не являются плодом самовольного редактирования переводчика, а оказываются отражением того текста Феофана, который был оригиналом Анастасия. Но наряду с этим Кедрин довольно часто „предает“ Анастасия в его расхождениях с греческим текстом, поддерживая „архетип“. Нет надобности приводить пример такого „предательства“. Более всего похоже на то, что оригинал, принадлежавший Анастасию, и список летописи Феофана, который экцерпирован в хронике, списанной Кедрином, — далеко не одно и то же — и последний значительно ближе к „архетипу“ известных нам греческих рукописей, чем экземпляр, с которого делался латинский перевод. При таких условиях Кедрин может сослужить некоторую службу при сопоставлении греческого текста и латинского перевода, но решающим свидетелем при оценке достоинств состава *Historia tripertita*, как в этом уверен Г. П. Преображенский, он все-таки стать не может. Едва ли, однако, в этом есть уже непоправимая беда: Анастасий может сам постоять за себя. И как раз те „несовершенства“ перевода, которые выдвигает де Боор⁴⁴ для вящего умаления значения труда Анастасия, оказываются особенно ценными для историка, заставляя приходиться к заключениям, совершенно противоположным. Немецкий критик ставит в вину Анастасию то,⁴⁵ что последний даже и в тех позднейших отделах, в которых он, по собственному признанию, старался дать точный перевод, дает однако „переработку“ и вольное

⁴⁴ De Boor. Theoph., Chr., II, 416—421.

⁴⁵ Стр. 409 слл.

изложение. Он доказывает это обвинение несколькими примерами, но исключительно из времени царствования Юстиниана, где переводчик еще только переходил к новому, „точному“ стилю перевода. Это — во-первых, а во-вторых, хотя в качестве свидетеля, уличающего якобы обман Анастасия, и привлекается источник Феофана Прокопия и далее Феофилакт Симокатта, тем не менее показательность последних в данном случае остается под большим сомнением. Анастасий вообще, надо признать, весьма бесхитростен, далеко не свободно расправлялся с греческим языком⁴⁶ и с великим напряжением сил „перепирал“ Феофана: он не только не излагал вольно, но нередко перетягивал греческий текст слово за слово, букву за буквой, не пытаясь даже латинизировать конструкции и расстановки слов, может быть даже не улавливая до конца смысла переводимой фразы. Можно с уверенностью сказать, что о литературной выправке, об усовершенствовании переводимого текста он и не помышлял: да для этого у него не было и никаких оснований. Де Боору представляется, что в этих колебаниях и выразилось то двусмысленное положение, в которое поставил себя сам Анастасий, погнавшись сразу за двумя зайцами: с одной стороны (как он это выражает определенно в предисловии), он предпринял свой труд только из любви к своему другу Иоанну, чтобы предоставить ему материал для предпринятой тем церковной истории; но, с другой стороны, Анастасий рассчитывал и на то, что его перевод будет читаться и более широкой публикой (*hanc editio- nem nostram legentes*), а потому передаваемый другу фактический материал он должен был стремиться обработать в удобочитаемую и приемлемую форму. К чему доказывать то, что очевидно само собой: вторая задача — приспособления к широкому кругу читателей, явно придумана де Боором и произвольно навязана Анастасию. Чтобы убедиться в этом, стоит только внимательно прочитать его Praefatio. Что же касается примеров вольной передачи Анастасием летописного текста, то едва ли они могут кого-либо убедить. Ведь опять-таки де Боор поверяет латинский перевод не далее, как „только архетипом“ наличных греческих списков, несомненно претерпевшим уже не одну редакционную выправку. И ссылка на источники Феофана в данном случае слабо доказательна, так как, с одной стороны, мы знаем, что Феофан не стоял в рабской зависимости от них (он их сокращает, передает иногда сюжет в форме своего пересказа),⁴⁷ а с другой — располагая списки Феофана в исторической перспективе, мы убеждаемся, что приближение к источникам иногда возрастает по мере удаления от подлинника, т. е. последующие переписчики-редакторы вели корректуру летописца по его источникам. Таким образом, большой вопрос, в какой форме стояли у самого Феофана или, по крайней мере, в оригинале Анастасия те пассажи, которые приводятся у де Боора (*Theo. h.*, 196, 28, 262, 14; 249, 5; 373, 10). В дальнейшем же послеюстиниановском повествовании и сам немецкий критик не в состоянии указать таких quasi-искажений текста Феофана.

Наконец, де Боор устанавливает плохое знание греческого языка со стороны Анастасия и обнаруживает у него целые вереницы грубых ошибок и искажений смысла и слов в переводе, каковые особенности, по его мнению, должны существенно понизить ценность перевода, как критического пособия для рецензии греческого текста. Нелегко судить

⁴⁶ См. ниже.

⁴⁷ Отчетливые сопоставления Феофана с Малалой и Пасхальной хроникой см. у Г. П. Преображенского. Назв. соч., 39 слл.

и его и его выступления⁴⁸ и он еще только ожидает специального исследования о себе, которое должно, наконец, обнаружить и установить, с кем мы имеем дело — с выдающимся, широко образованным политиком-куриалистом, или с расторопным, самоуверенным, но не брезгливым на средства авантюристом. Почему он играет видную роль в дипломатических сношениях папского двора, почему при Адриане II он получает звание библиотекаря? Почему, замешанный в убийстве жены и дочери папы Адриана, он, однако, остается с последним в близких отношениях? Какова его роль на Константинопольском соборе 869 г.? Все эти вопросы — не безразличны для определения того, насколько Анастасий, претендовавший и сам на папскую тиару, является солидным ученым и признанным знатоком греческого языка. Получал ли он исключительно в силу этого важные поручения при византийском дворе, или же здесь имели значение иные его индивидуальные особенности? Объяснялся ли он в Константинополе на греческом языке, участвовал ли в обсуждениях тех или иных вопросов самолично или через посредство толмача; говорил ли он, или только читал по-гречески? Ведь то обстоятельство, что Анастасию поручали его друзья переводить те или другие важные произведения с греческого, говорит лишь за то, что на Западе в половине IX в. мало кто знал этот язык, но в то же время и за то, что верность и точность перевода, сделанного Анастасием, никто там проверить был не в состоянии и переводчик мог не опасаться критики. Если он, как думает де Боор, легкомысленно и самоуверенно брался за переводы, не зная самых элементов языка, путая даже буквы греческого алфавита, воюя непрерывно с лексиконом и грамматикой, то такая работа едва ли могла послужить ему в качестве плодотворного упражнения в языке. Из нее он должен был выйти таким же, каким в нее вошел, ничего не забывая, но и ничему не научившись.

Но даже и при существующей неполноте наших сведений об Анастасии, даже допуская, что все неясности должны быть разрешены не в пользу его, все-таки надо сказать, что де Боор слишком сурово судит о переводе и даже не совсем справедливо экзаменует Анастасия в его познаниях по греческому языку, прилагая к нему несоответствующую программу. Он судит со своей точки зрения и с высоты современного знания. В IX в. умели изучать и знали языки, конечно, совсем не так, как мы. А затем надобно задуматься и о том, в какой степени внешне исправным был тот экземпляр Хронографии Феофана, с которого переводил Анастасий. Де Боор приводит ряды погрешностей, ошибок и недоразумений Анастасия, поделая их на несколько категорий: а) ошибки, вытекшие из недостаточности лексических и этимологических познаний переводчика; б) перевод собственных имен, принятых за нарицательные; в) искажение смысла вследствие ошибок в конструкции фраз; г) смешение букв; е) неумение в слитном греческом тексте разделять слова, и др.⁴⁹

Из подмеченных де Боором ошибок Анастасия можно указать действительно грубые и непростительные, например: ἐν ὀνόμασι διαλλάττοντες = *nomen mutantes*; τῆς συγκλήτου βουλῆς = *senatus consultu*; εὐνομία = *benevolentia*; ἐν ταύτῃ τῇ χώρᾳ = *in hoc gaudio* (χαρᾶ?); ἐπεστράτευσεν Ἄλιδος = *movit exercitum Senalidus* (удвоение *σεν*); ἐκβλήθεις = *vocatus*. Приведем от себя такие погрешности, как Theoph., 441₃₆: ἀπὸ τῆς Περιγίπο-

⁴⁸ Кое-что о нем см. у Hergenröther. Photius, B. II.

⁴⁹ Примеры и перечисления погрешностей см. у de Boor'a. Theoph., Chron., II. 416 ff.

νήσου = a principe in insulam, или 401₁: Νικήταν τὸν Ἄνδρακα καὶ ἄρχοντα τοῦ τευχίου = Titichei; 481: ἀλλὰ καὶ λίαν = sed et oppido.

Всматриваясь, однако, в вереницы ошибок, мы убеждаемся, во-первых, в том, что их (в особенности непростительных) сравнительно не так уже много в огромном труде Анастасия, а во-вторых, подавляющее большинство их произошло отчасти из-за неразборчивости и слитности письма и неисправности самого греческого оригинала, отчасти же от своеобразного приема перевода, которым, как выясняется, воспользовался Анастасий — для ускорения ли работы, или потому, что он лучше понимал звуки греческой речи, чем ее начертания. Такие ошибки, как ἡσθεῖς ἐπὶ τούτῳ = hoc advertens; ἡσχύνθη = praevaluit; παρρησία = in praesentia; διὰ τῆς... ἡπείρου = per Epirum; ἐπὶ Σύλλεκτον = electum; ληφθεῖσα = λεμφθεῖσα; ἡ θεία φωνή (ι Θία фони) = propria voce (ιδία φωνή?); κατ'αὐτῶν = contra eum; ὡς οἱ = ὅσοι, могли, и притом очень легко, быть сделаны лишь в том случае, если Анастасий переводил со слуха, т. е. если кто-либо, знавший греческий язык, ему медленно вычитывал слово за словом Феофана, а он писал, передавая по-латыни каждое слово, каждый союз, каждую букву, стараясь не пропустить ничего, не изменить даже расстановки слов. Иначе погрешности, в духе вышеприведенных, оказываются совершенно непонятными. Если же принять такой способ перевода Анастасия, то объяснимы станут и иного рода ошибки его. В процессе работы и переводчик мог временами не так внимательно вслушиваться, и чтец мог допустить неверные разделения слов в слитной и сокращенной греческой скорописи. Отсюда и могли возникнуть такие недоразумения, как: περὶ Τομέαν = circa Mean; εἰς Τόμην = in Men; ἐν Γαζακῷ τῇ πόλει = apud Gazacote civitatem; Ἀσκήλ τοῦ ῥηγός = Ascelti regis; υἱός τοῦ Φάν = filius Turhan; Ρογᾶ τοῦ Ἄφρου = Rogati Afri; ἀλλὰ καὶ (τό?) λίαν = sed et oppido.

Эти lapsus'ы перевода любопытны тем, что позволяют проникнуть в кабинет и лабораторию Анастасия, а может быть, и вообще средневекового переводчика. Но сказать вместе с де Боором, что они понижают ценность Трехчастной истории в рецензии греческого текста Хронографии Феофана — было бы решительно несправедливо: скорее наоборот. Ведь ошибки перевода, почти все без труда объяснимые, так же без труда и заметны при сопоставлении с греческим текстом, а из последнего обнаруживается, что переводчик до чрезвычайности точен, до буквальности отчетлив, не решаясь пропустить даже плохо разобранные и затемняющие смысл латинской речи слова.⁵⁰ Оттого у Анастасия так много непереведенных греческих слов, написанных латинскими буквами, как stratigos, spudastae, apud Boï, monasterium Diu, logotheta tu dromu, даже nobelesimus (nobilissimus).

Но чем беспомощнее труд Анастасия как литературное произведение, чем примитивнее как перевод, тем, надо полагать, он ценнее в качестве пособия для исследования подлинной речи Феофана-летописца. Ввиду вышеприведенных соображений, в дальнейшем изучении и анализе данных Хронографии Феофана о так называемом иконоборческом движении, как основной текст и состав я уже уверенно могу выдвинуть перевод Анастасия как наиболее приближающий нас к первоначальному повествованию Феофана.

⁵⁰ Это выдвигает и Г. П. Преображенский. Назв. соч., 50. Приведу один пример: Theoph., 442₁₉: κατήνευγε Πέτρον, τὸν ἀοίδιμον στυλιτήν ἀπὸ πέτρας. — Переводчик прочитал или расслышал здесь μέτρας, и хотя мог без ущерба для смысла опустить эту бессмыслицу, все-таки покорно написал ничего не значащее a metra.

Первый вопрос, с которым осторожное историческое исследование приступает к каждому изучению, — вопрос о достоверности. В данном случае, т. е. в применении к Феофану, как центральному и руководящему источнику по истории раннего иконоборчества, мы его никоим образом миновать не можем, так как он встает здесь с особой напряженностью. По отношению к первым иконоборческим выступлениям, т. е. деятельности императоров Льва III, да и Константина V, Феофан, являясь самым ранним историческим показателем, все-таки не вполне современник, а в то же время он выступал с определенной стороны и, как участник продолжавшейся и позднее старой борьбы, не мог не внести известной доли субъективного элемента, не мог и остаться безусловно и до конца откровенным. Ведь он сам — „исповедник православия“, страдалец за „иконы“, и как бы он ни был праведен, все-таки он не должен был остаться беспристрастным по отношению к враждебной стороне, тем более, что и сам не скрывает на этих страницах своего труда и великой потрясенности своего духа и прямого раздражения. Феофан — партизан, и поскольку мы не располагаем показаниями другой стороны, т. е. иконоборческой, постольку мы можем продолжать вести дело с ним, держа его неустанно в крепком подозрении.

В ранних частях Хронографии, где Феофан явственно не самостоятелен и почти всецело зависит от своих предшественников, которых он excerpiрует и выписывает и которые могут быть проверены (напр., Прокопий, Пасхальная Хроника, Евагрий, Малала, Феофилакт Симокатта, Иоанн Антиохийский, Георгий Писидийский и т. д.), дело обстоит весьма просто, и весь вопрос о достоверности Феофана сводится к проверке достоверности и пассивности его компилирования: там он не первоисточник. В повествовании же об иконоборческой эпохе мы так просто и с первого же взгляда не в состоянии оказываемся определить степень самостоятельности Феофана и во всяком случае, за полным отсутствием исторических сочинений, предшествующих его труду, имеем в последнем своего рода первоисточник. Таким образом, вопрос о достоверности сообщений Феофана здесь сводится к расследованию достоинств и происхождения того материала, которым воспользовался летописец. Если в известной мере и необходимо допустить, что Феофан мог включить в свое повествование о первых иконоборческих императорах ту традицию о них, которая осела в памяти и сознания „православных кругов“ следующего за ними поколения, свиваясь и скрепляясь главным образом в полемике и ожесточениях борьбы; если он мог обосноваться, тоже до известной степени, на официальной формулировке истории „первого“ иконоборчества, какая была выработана и установлена на соборе 787 г., то все-таки в составе исторического рассказа его мы без особого труда обнаруживаем некий значительный остаток, который не укладывается ни в рамки изустной традиции, ни в формулы официозно-православной версии. Феофан отделен от описываемых им в летописной форме событий — хотя бы всего царствования Льва III — более, чем полувеком, почти что целым веком, а между тем его сообщения о стихийных бедствиях, о войнах с арабами и болгарами, событиях в императорской семье, сменах патриархов и т. п. необыкновенно отчетливы и точны: они изысканно снабжены собственными именами, они уверены в географических указаниях, они надежно размещены хронографически. Не может быть никакого сомнения в том, что все это не результат самостоятельной работы Феофана, что кто-то до него собрал и распределил, превращая в летопись, этот богатый фактический материал. Ясно, вместе с тем, и то, что автор, которого (своеобразно, как мы сейчас убедимся) excer-

пирует Феофан, не мог быть даже его старшим современником, так как в смысле исторической осведомленности он находился бы в одинаковых условиях с ним и не мог бы дать более, чем Феофан. Чтобы вырваться из заколдованного круга, необходимо принять, что эта летописеобразная работа отделена своим составлением на значительный промежуток времени от творчества Феофана; другими словами, едва ли эти записи не современны тем царствованиям, к которым они и относятся, или, во всяком случае, хронологически весьма близки к ним. Выдающегося характера, крупного значения (хотя бы и отрицательного) императоров Льва III и Константина V и их правительственной деятельности не могли отрицать и их враги: иконодулы и монахи. Я думаю, возможно не только гипотетически, но и категорически настаивать на том, что яркие и значительные царствования этих пользовавшихся большой популярностью государей должны были вызвать и изображение и оценку со стороны близких к ним писателей и историографов. Весьма приемлемо и ведение официальной летописи хвалебного, как обычно в Византии, характера. Литература подобного рода и направления была с ожесточенным усердием уничтожена потом восторжествовавшим „благочестием“ и „православием“, но Феофан (да и не он один, на рубеже VIII и IX вв.) мог еще и даже должен был знать и иметь в распоряжении такие писания.

Но присутствие в основе повествования Феофана о царствованиях Льва III и Константина V „иконоборческой“ летописи, подвергающейся у него, однако, соответствующей переработке, доказывается, с одной стороны, из сопоставлений Хронографии Феофана с Краткой историей патр. Никифора, а с другой — из обнаруживаемой у него полемики, тайной и явной, с „τοῖς νῦν πλανωμένοις ἀδελφοῖς καὶ ἀτασθαλοῖς ἀνδράριοις εἰς τὴν τοῦ παρανομωτάτου βδελυρᾶν κακοδοξίαν“.

Совпадения Феофана с патр. Никифором несомненны: местами они доходят до дословности, а в то же время расхождения между ними таковы, что мелькавшая когда-то мысль о влиянии одного из них на другого теперь решительно и по справедливости оставлена.⁵¹ Оба историка работали над своими сочинениями почти одновременно (десятые годы IX в.) и в основу данного отдела труда полагали явственно одну и ту же летопись или хронику, придавая ей, каждый по-своему, переделку, сокращения и добавления. Эта летописная основа прощупывается при следующей параллелизации текстов:

Феофан	Никифор Царствование Льва III
390, ²⁶ —391, ²	= 52, ²⁷ —53, ¹⁰
395, ¹⁵⁻¹⁸	= 53, ¹⁰⁻¹⁶
395, ¹⁸ —396, ³	—
396, ³⁻¹⁰	} cf. 53—54, ¹⁹
+ 21—23	
+ 24—397, ¹⁵	—
397, ¹⁵ —398, ⁴	= 54, ²⁰ —55, ¹¹
398, ⁴ —399, ⁴	cf. 55, ¹³⁻¹⁹
399, ⁴⁻²⁰	—
399, ²⁰⁻²⁶	—
399, ²⁸ —400, ¹	= 55, ¹²⁻¹³
400, ²⁻¹⁶	—
400, ¹⁶ —401, ³	= 55, ¹⁹ —56, ²⁷

⁵¹ K r u m b a c h e r. Gesch. d. byz. Litt.; А н д р е в. Константинопольские патриархи.

401, ₃₋₁₂	=	56, ₂₇ —57, ₄
401, ₁₂ —404, ₁₈	—	_____
404, ₁₈ —405, ₂	=	57, ₅₋₂₆
405, ₂₋₁₄	—	_____
405, ₁₄₋₂₄	=	57, ₂₈ —58, ₁₀
405, ₂₄₋₂₅	—	_____
405, ₂₅ —406, ₂	=	58, ₁₀₋₁₆
406, ₂₋₃₁	—	_____
407, ₁₋₃ (om. d)	}	_____
5—10		
11—14		
407, ₁₅ —408, ₃₁	=	58, ₁₇₋₂₅
408, ₃₁ —409, ₁₄	—	_____
409, ₁₄₋₁₉	=	58, ₂₅₋₂₇ (особенно совпадает с Анастасием)
409, ₁₉₋₂₁	}	=
409, ₂₄₋₂₅		
27—28	=	58, ₂₈ —59, ₂
409, ₃₀₋₃₁	—	_____
409, ₃₁ —410, ₂	—	_____
410, ₂₋₄	—	_____
410, ₄₋₁₇	—	_____
410, ₁₇ —411, ₂₈	—	_____
412, ₁₋₅	—	_____
412, ₅₋₁₆	=	59, ₂₋₁₄

Царствование Константина V

412, ₂₁ —413, ₄	cf.	59, ₁₅₋₁₇
413, ₄₋₂₀	_____	_____
413, ₂₀ —414, ₂	cf.	59, ₁₇₋₂₀
414, ₂₋₁₀₊₁₆₋₇	_____	_____
414, ₁₈ —415, ₂₂	=	59, ₂₅ —60, ₂₈
415, ₂₂₋₂₄	_____	_____
24—30	_____	_____
415, ₃₃ —416, ₇	_____	_____
416, ₈₋₁₈	_____	_____
416, ₁₈ —417, ₂₂	_____	_____ очевидно из „Похвалы (Εγκώμια λόγων)“ Иоанна Дамаскина, на коего Феофан прямо и ссылается.
417, ₂₃ —418, ₁₁	=	60, ₂₈ —61, ₂₀
418, ₁₄₋₁₉	_____	_____
418, ₁₉ —419, ₁	_____	_____
419, ₇ —421, ₁₆ почти	_____	_____
421, ₁₇₋₃₄	_____	_____
422, ₂₋₁₁	_____	_____
422, ₁₁₋₁₃	_____	_____
13—21	_____	_____
25—29	_____	_____
422, ₂₉ —424, ₇	=	62, ₂₁₋₂₄
424, ₉₋₁₀	_____	_____
424, ₁₂ —425, ₁₁	=	62, ₂₄ —64, ₂₀
425, ₁₃ —426, ₁₃	_____	_____
426, ₁₃₋₂₉	=	64, ₂₁ —65, ₉

427, ³⁹	— om. Anast.
12—14	= 65, ⁹⁻¹²
427, ¹⁴⁻¹⁵	— знаменательно нет у Niceph.
19—23	= 65, ²⁴ —66, ¹⁰
427, ²⁵ —428, ¹²	
428, ¹⁵ —429, ¹⁴	
429, ¹⁸⁻²⁹	= 66, ¹¹⁻¹⁹
430, ¹ —432, ²⁵	
432, ²⁵ —433, ²²	= 68, ²⁷ —70, ¹³
433, ²⁴⁻²⁸	
433, ²⁸ —434, ⁵	
434, ⁶ —435, ⁵	cf. 67, ¹⁴ —68, ²⁶
435, ⁵⁻⁸	cf. 65, ¹³⁻²⁴
435, ⁸⁻¹⁴	
435, ²⁰ —436, ⁸	
436, ⁹⁻¹⁴	cf. 70, ¹²⁻¹⁸
14—20	
21—24	cf. 70, ²⁵ —71, ⁸
436, ²⁶ —437, ¹⁹	= 72, ¹⁰ —73, ¹⁰
437, ¹⁹⁻²¹	cf. 73, ¹⁰⁻²⁹
437, ²⁵ —439, ⁵	= 74, ¹ —75, ¹
439, ⁸⁻¹⁵	
439, ¹⁵ —440, ¹¹	
440, ¹¹⁻¹³	= 75, ¹⁻³
440, ¹³⁻²⁴	= 75, ²³ —76, ⁵
440, ²⁴ —441, ²	
441, ⁵ —442, ¹³	cf. 75, ⁵⁻²²
442, ¹³ —443, ¹⁸	
443, ¹⁸⁻²²	= 76, ⁵⁻¹⁴
443, ²²⁻²⁶	= 76, ¹⁶⁻²²
443, ²⁸ —444, ⁸	= 77, ¹⁻⁸
444, ¹⁰⁻¹⁵	
444, ¹⁵⁻²⁵	cf. 77, ⁸⁻¹²

Из представленных параллелей выясняется прежде всего, что материал, вписанный Никифором, почти целиком, в том же составе повествования использован у Феофана. Из того, что мы застаем здесь, нет у Феофана, т. е. осталось ему совершенно чуждо, лишь: Niceph. 66,¹⁹—67,¹³; 70,¹⁸⁻²⁵; 71,⁹—72,¹⁰ и 76,²²⁻²⁹. Характерно, что первый отрывок излагает победы Константина V над болгарами: Феофан, задавшийся целью „разъяснить всю правду“ о Константине,⁵² старается, в противовес какому-то представлению „заблуждающихся“ насчет удач иконоборческого императора, подчеркнуть, наоборот, темные стороны его царствования, спрятать его победы или показать их сомнительными. Патр. Никифор, как в том без труда можно убедиться, более беспристрастен и спокоен. Вместо этого отрывка о победах Феофан помещает свое 431,⁶⁻¹¹ о неудачных действиях Константина V против болгар и пленении Льва, стратига Фракистской фемы, и Льва логофета. Второе сообщение касается: а) рождения (в 1-м индикте?) у Константина V сына Никиты и б) неудачного набега арабов из Африки на о. Сицилию и может быть сочтено незначительным. Что же касается третьего, бывшего описания иконоборче-

⁵² 413,¹⁰: ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐμεθῆς καὶ τοῦ δυσσεβοῦς παιδὸς αὐτοῦ... διεξέλθειν φιλαλήθως δὲ ὁμῶς, ὡς εφορῶντος τοῦ παντεπόπτου θεοῦ...

ского, правильное, чисто монахоборческого движения при Константине V, то оно является, несомненно, самостоятельным очерком, составленным Никифором без помощи того источника, которым они пользовались сообща с Феофаном.

Наоборот, у Феофана мы застаем очень большое количество сообщений и рассказов, не внесенных патр. Никифором в свое произведение. Эти „излишки“, на первый взгляд, настолько разводят и отчуждают друг от друга оба состава повествований, что колеблется мысль о пользовании со стороны обоих историков одним источником. Но следует принять в соображение разницу задач и хронографического плана у того и другого. Феофан пытается создать хронографию в полном смысле этого слова, захватывая в летописание „историю“ и всех областей империи, и даже ее соседей, главным образом, конечно, арабов. Таков, несомненно, был в своих заданиях и предшественник Феофана — иконоборческий хронист, которого он и „выписывает“ в пределах данной эпохи. Программа патр. Никифора несколько иная: он далек от составления „всемирной истории“ как в хронологическом, так и в географическом отношении. Он пишет не общую хронографию, а только *Ἱστορία Συντομος*, своего рода конспект или регесты императоров, и притом только „новейшего времени“, а именно начиная с царствования Маврикия. Имея перед собой для эпохи Льва III и Константина V того же предшественника, что и Феофан, он его не списывает, перерабатывая, а очень сжато экскерпирует, довольно строго придерживаясь той узкой полосы, которую себе наметил (только *res gestae* императоров). То обстоятельство, что у него нет многого, о чем сообщается у Феофана, не доказывает непременно, что последний помимо общего источника пользовался еще и другими. Как показали исследования в области византийской историографии,⁵³ такое пользование и вообще не свойственно византийским хронистам, в частности, не заметно и у Феофана в других частях его труда. Обычно хронист ограничивается извлечением или выписыванием одного из предшественников для каждой эпохи, поскольку критическое отношение к источнику ему еще совершенно чуждо. И надо отдать справедливость активности Феофана в том, что он в рамках данного отдела все же не просто списывает, а заимствует, редактируя и исправляя с „православно-монастырской“ точки зрения.

Если пересмотреть и суммировать то, что, будучи пропущено у патр. Никифора, вписывается Феофаном, то в этом материале прежде всего выделяется компактная группа сообщений о „внешних“ событиях с преобладанием в ней известий о событиях на Востоке, т. е. фактов, касающихся истории арабов, их взаимоотношений с империей и отношение к подвластным христианам (в Сирии и других завоеванных странах). Эти фактические линии выходили из компетенции, отведенной себе Никифором, — оттого он, пользуясь тем же источником, прошел мимо них в своем конспекте.⁵⁴

Что этот, по преимуществу „восточный“, материал, или, вернее, большая его часть была налицо в источнике, которым пользовался и

⁵³ См. также на Gelzer (Sextus Julius Africanus), Hirsch (Byzantinische Studien) и Krumbacher (Gesch. d. byz. Litt.).

⁵⁴ Это Феоф. (ed. de Boor, I) 399,4-20; 411,12-27; 403,24-28; 406,2-31 (с полемикой); 407,5-10 и 11-14; 409,24-28; 410,2-4; 410,17-411,28; 412,1-5; 414,2-10; 415,22-24; 415,33-416,7; 416,8-18; 418,14-19; 418,19-419,6 (однако см. Anast., м. 6., интерполяция переписчика?); 421,17-34; 422,2-11; 422,13-21 и 25-29; 424,9-10; 424,12-425,11; 425,13-426,13; 427,3-9 и 12-14 (см. Anast.); 428,15-429,14; 430,1-19 и 23-32; 431,1-6 и 13-34; 432,1-15 и 24-25; 433,24-28; 435,20-436,8; 439,8-15; 444,10-15.

патр. Никифор, сомневаться трудно, так как отголоски его, несмотря ни на что, просочились в Краткую историю,⁵⁵ а главное, его в полном составе имеет в виду тот же автор в своем Antirrheticus III. Но следует из осторожности и относительно Феофана заметить, что такое нарочитое внимание к этим именно рядам фактов, какое он проявляет в данных пределах своей хронографии, в значительной мере может быть объяснено особой тенденцией историка, но до некоторой степени здесь может быть допущено и пополнение первоначального Феофана первыми же переписчиками-редакторами его труда. Это, конечно, только предположение, на котором я и не думаю настаивать. Ведь в общем и так понятно, почему Феофан так усиленно заслоняет центральные линии повествования о царствованиях первых императоров-иконоборцев мрачными и тревожными. Он стремится показать всю правду, в которую сам верил: при торжестве нечестия и „богоборчества“ в империи не могло все обстоять благополучно, и царствования Льва III и Константина V не могли быть счастливыми и блестящими. Эти императоры могли одерживать отдельные победы над врагами, но в общем эти враги и с севера, и с юга, и с востока не только не были сломлены окончательно, но и неуклонно надвигались страшными, губительными грозами, нарушая правильное течение жизни, угрожая тяжкими уроками христианству. Не только мусульмане и болгары, но самые стихии были против императоров, гордившихся своим долголетием и удачами: частыми и повсеместными бедствиями, чудесами, трусами, язвами и морами, гладами и мразами, в которых византийский интеллигент VIII—IX вв. не мог не усматривать указующего перста божия, „выявлялась настоящая, скрытая от поверхностно взирающих людей правда“. Самые крупные бедствия Феофан открыто и уверенно разъясняет как карающие и предостерегающие знамения. По поводу ужасного извержения между островами Ферой и Ферасией⁵⁶ он заявляет:... οὕτω καὶ αὕτη νῦν ἐπὶ τῶν χρόνων τοῦ θεομάχου λέοντος ὃς γὰρ κατ' αὐτοῦ θεῖαν ὀργὴν ὑπὲρ ἑαυτοῦ λογιζάμενος ἀναίδεστερον κατὰ τῶν ἁγίων εἰκόνων ἤγειρε πόλεμον. Относительно знаменитой чумы, занесенной с запада и пронесшейся по всей Греции в 746—747 гг., Феофан рассуждает:⁵⁷ „Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει λοιμώδης θάνατος ἀπὸ Συκελίας καὶ Καλαβρίας ἀρξάμενος οἷον τι πῦρ ἐπιανερόμενον... ἦλθε δι' ὅλης τῆς ἐν ἰνδοκτιῶνος προμαστιζῶν τὸν ἀσεβῆ Κωνσταντῖνον καὶ ἀναστῆλων τῆς κατὰ τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν... μανίας, εἰ καὶ ἀδιόρθωτος ἔμεινε, ὡς Φαραὼ τό πάλαϊ“.

Но такими же зловещими знаками являлись, по убеждению Феофана, и прочие вереницы катастроф и эксцессов природы, которые он вносит в свою летопись, в уверенности, что ничто даром не случается и не проходит. Поэтому с настойчивостью, я бы даже сказал, с плохо скрываемым злорадством выписывает он и нанизывает из своего источника те сведения, которые, по его мнению, рисуют прославленные царствования в мрачных чертах. Самый тон, в каком у Феофана звучат эти сообщения, в источнике бывшие, наверное, проходными и безразличными, не оставляют сомнения в том, с какой целью они нагромождаются историком.⁵⁸ Конечно, Феофан выступает здесь в центре той полемики, ясные

⁵⁵ Изд. de Boor., напр. стр. 58,₁₁₋₁₅; 64,₂₁₋₆₅; 66,₁₁₋₁₂; 70,₂₀₋₂₄.

⁵⁶ Theoph., 404,₂₉—405,₂.

⁵⁷ Theoph., 422,₂₉—4,_{3,4}.

⁵⁸ Theoph. 410,₃₋₁₀, 19—20, 23—25; 411,₂₋₉, 10—2; особенно же 412,₂₋₅ и 6—20. Τούτῳ τῷ ἔτει καὶ τῆς βασιλείας λέοντος (τοῦ τυράννου) καὶ παρανομωτάτου Σύρου ἐκκησαν ἀγοραὶ ἐν Δαμασκῷ... καὶ εἰσῆλθεν, ὁ Χεῖμαρρος ἐν Ἐδέσῃ... καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει σεισμὸς γέγονε μέγας καὶ φοβερός ἐν Κ... καὶ ἐπτώθησαν ἐκκλησίαι καὶ μοναστήρια λαὸς τε πολλὸς πέδνηκεν... ὁ οὖν βασιλεὺς ἰδὼν τὰ τεύχη τῆς πόλεως πτωθέντα διετέλλε τῷ λαῷ... см. еще 415,₂₂₋₂₄.

следы которой мы находим и во многих других произведениях византийской литературы иконоборческой эпохи. Православные историки и публицисты усиленно стараются поколебать и опровергнуть мнение, что долголетие и счастье императоров-иконоборцев ручается за правильность и богоугодность их правительственной деятельности. Повидимому, это мнение было прекрасно обосновано и убедительно высказано в иконоборческой литературе.⁵⁹ По крайней мере, неизвестный автор знаменитой псевдодамаскиновской *Oratio contra Constantinum Caballinum*⁶⁰ с раздражением говорит о том, что так как диавол обещал императору-иконоборцу за уничтожение икон счастье и превосходство над всеми царями земными в мудрости и долголетию, то его единомышленники ничего другого и не твердят, как то, что он процарствовал много времени. „(Διὸ καὶ οἱ τούτου τῆς φύσεως κρονήσεως), ἄλλο οὐδὲν παρρησιάζονται, εἰ μὴ τοῦτο, λέγοντες, ὅτι πολὺν χρόνον τῆς βασιλείας κεκράτηκε καὶ οὐ γινώσκουσιν οἱ θεοστύγεις ὅπερ λέγουσι...).“ По вопросу о долголетию и внешних успехах Льва III, а особенно Константина V, на рубеже VIII и IX столетий шли горячие споры. С нарочитой явственностью выступают они в *Antirrheticus* III патр. Никифора, который посвящает опровержению иконоборческого мнения о славном царствовании Константина V целый значительный трактат, начиная с главы 65. Рассуждения патр. Никифора необыкновенно любопытно и поучительно сопоставляются с повествованием Феофана о том же императоре, подтверждая, что в летописной форме Феофан ведет ту же полемику с теми же историками-иконоборцами и теми же доводами и даже материалом. Никифор вооружается против тех „историков“, которые слишком выхваляют царствование Мамоны, т. е. императора-иконоборца, и тем самым обнаруживают свою глупость и нерассудительность.⁶¹ Ссылаясь на тех из них, которые τῷ πληθει καὶ τῷ μεγέθει τῶν συμφορῶν ὑπερεκπληττόμενοι все-таки сочли достойным передать истории различные и многозначительные несчастья того времени, он и перечисляет самые яркие их категории, при наличии которых говорить о благоденствии эпохи возможно только по недомыслию. Они те же, что и у Феофана, который только размещает их pogodно: „ὁ μὲν λοιμικός θάνατος ὅς τοῖς ἀνθρώποις ἐπεπορεύετο, οὐδ' ἂν τις ἐξαρτιμήσαιτο εἰς ὅσον πληθος αὐτῶν ἐπενείματο, ἐξ οὗ δὴ καὶ διαδράς ὁ τῆς ὀργῆς αἴτιος... ὡς καὶ τοὺς τάφους στενοχωρεῖσθαι τοῖς σώμασι καὶ τὰ τῶν υδάτων ἐκδοχεῖα ὑπερπληρῆ γίνεσθαι... Καὶ τὰ ἐν τούτοις δέγματα, ὡς ἐξάσιά τε καὶ τερατώδη φαντάσματα... καὶ τὰ μὲν ὑπὲρ γῆν τοιαῦτα καὶ τούτων ἔτι χειρόνα, τὰ δὲ πρὶν ὑπὸ γῆν ἢ περὶ γῆν· οὐ γὰρ ἔτι τῶν ἀσεβημάτων τὸ μέγεθος ἔφερον ὅποια τῶν μὲν σεισμῶν καὶ βρασμῶν καὶ ἀνατιναγμῶν τὸ χρέμα... αὐτῶν γὰρ τῶν πολυτελῶν οἰκημάτων, καὶ τῶν κτήσεων τῶν κεκαλλωπισμένων σαλπίζει μέγα τὰ πτώματα...“

Гл. 66. Οὐ μὴν οὐδὲ τὰ ἐξ ἀέρος δέγματα ἐπηρεμῆν ἢ ἐφρησυχάζειν ὑβρίζομένου τοῦ Κτίστου ἠνείχετο ἐδόκει γὰρ... τοὺς κατ' οὐρανὸν ἀστέρας ἐπὶ τῆς ἐρριφθαι ἀπάντας ῥαχδαίως, οὔτω καὶ συνεχέστατα τοῦ ἀερίου πάθους... τοὺς λεγομένους ἀστέρας διαττοντας, τὰς τε φλόγας... κομήτας τε αὐ, καὶ πωγώνιας καὶ ὅσα τοιαῦτα ὑποφαίνειν πέφουκε σχήματα“.

⁵⁹ И, может быть, даже в изобразительном искусстве. См., по крайней мере, заявления отцов VI Собора. Mansi XII, 355: εἶδε μᾶλλον αὐτοῖς τὰς ἀνδρείας τούτων ἐξεπέτῃ, τὰς κατὰ τῶν πολεμίων νίκας, τὰς βαρβαρικὰς ὑποπτώσεις, ἃς ἐν εἰκόσιν καὶ διατοίχοις εἰς μνημῆν ἐξηγήσεως πολλοὶ ἐστήλογραφῆσαν, τοὺς ὀρώντας πρὸς πόθον καὶ ζῆλον ἔλκοντες. Ср. Lombard. L'empereur Constantin V, стр. 13—19. Впрочем, это место может быть истолковано иначе, если принять в соображение предшествующее признание невозможности прославлять такие подвиги императоров-иконоборцев.

⁶⁰ Migne. Patol. gr., t. 95, 341.

⁶¹ Migne. Patol. gr., t. 100, 496. “Ὅτι δὲ μάτην ἐπὶ τοῖς χρόνοις ἐκείνου ἐγκαλλωπίζοντι, καὶ τοῦτο τῆς ἐκείνων ἀβελτερίας καὶ ἀλογίας ἄξιον.

Очерк этот сопровождается характерным разъяснением: „τοιαῦτα ἔγνωμεν καὶ πάσαι κατὰ τῶν ἀσεβῶν ἀπειλούμενα καὶ τελούμενα ὀπηνίκα τὰ στοιχεῖα ὑπερόρια γίνονται τοῖς θεοῖς ὑπηρετούμενα νεύμασιν ἀπιστήσῃ δ' οὐδεὶς ἢ ὅστις τὴν ἄγνοιαν τῶν τοῦ Θεοῦ κριμάτων ἠρώστηχεν“.

В сопоставлении с этим поучением становится понятной и настойчивость Феофана в выписывании из источника и внесении в свой рассказ именно такого порядка явлений и событий царствования прославленных „богоборцев“.

Но любопытно и дальнейшее опровержение славы и блеска иконоборческого царствования, которое ведет патр. Никифор. С новой силой ополчается он на тех „историков“, которые „κατακομψεύονται διὰ τὴν εἰς Χριστὸν καὶ τὴν Ἐκκλησίαν ὕβριν, χρόνους μηκίστους καὶ παρατεταμένην ζωὴν, καὶ βίον εὐπαθῆ ἐκμετρηθῆσαι τῷ Μαμωνᾷ, καὶ εὐημερίας εἰς ἄκρον ἐλάσαι, νίκας αὐτῷ κατὰ βαρβάρων καὶ ἀνδραγαθήματα ὡς πλείστα ἐπιγράφοντες, ἃ τοῖς μὲν σώφροσιν οὐδὲ εἰς ἀκράσιν ἔρχεσθαι δίκαιον.“⁶² Обличая суемудрие этих апологетов „нечестивого“ императора, патр. Никифор беспощадно изображает всю скверну природы Константина V, его извращенную жестокость и мучительство, его ужасную кончину на море, так как „мать земля, которую он пропитал кровию невинных, не приняла его смерти“: „Ποῖα οὖν, ἄρα κατηγορίας καὶ ταλανισμοῦ οὐκ εἶεν ἄξιοι, — восклицает Никифор, — οἱ ἐκαῖνον μακαρίζουσιν ἀνοήτως οὐκ αἰσχυρόμενοι! Ὅ δὲ τῆς ζωῆς αὐτοῦ πᾶς χρόνος οὐκ εἰς μακρὸν τι πάνυ διήλασεν· οὐ πλείοσι γὰρ ἢ ὀκτώ πρὸς τοῖς πεντήκοντα ἔτεσι βιούς, ψυχῇ τε καὶ σώματι τέθνηκε· καὶ αὐτὰ γε ταῦτα Θεοῦ συγχωρήσαντος, οὐκ εὐδοκῆσαντος“.

Наконец, по поводу тех побед и одолений, какие приписываются Константину V иконоборческими историками* (ἄς δὲ ἐπιπλάττουσιν αὐτῷ νίκας, τοιαῦταί τινές εἰσιν, ἵνα μῖας τῶν κρατίστων ἐπιμησθῶμεν),⁶³ Никифор предлагает разобраться в одной из них, которую прославляли как одну из самых блестящих. Это большой поход против „западных скифов“, т. е. болгар и гуннов, и кровопролитное сражение при Анхиале, о котором Никифор рассказывает и в Краткой истории,⁶⁴ но совершенно иначе, нежели здесь. Там спокойно и сдержанно сообщается, что после жестокого побоища, в котором с обеих сторон пало много людей, болгары были разбиты и бежали. Константин же вернулся в Византию и отпраздновал победу. Замечательно, что так же излагается это сражение и его исход и у Феофана, у которого совпадения в выражениях с Никифором свидетельствует о выписывании одного источника. В Антирретике, в увлечении полемикой, Никифор заявляет, что в результате была не победа, а гибель почти всей римской армии,⁶⁵ и только мятеж нового вождя Сабина и переход его на византийскую сторону дали успех Константину V. Еще злобнее и карикатурнее „разъясняет“ патр. Никифор блестящие действия Константина V на Востоке. Он уверяет, что император боялся одного упоминания о восточных варварах, что присоединение армянских крепостей совершено было разбойническим способом и что Константин V бежал со всем войском домой, как только узнал, что против него идет незначительный отряд сарацин в 5 тысяч человек.

Жарка была полемика, ярки и убедительны были изображения славы и победоносности иконоборческих царствований в их историографии, сильно, наконец, было стремление православных писателей разгромить эти популярные представления и лишить „нечестивцев“ их ореола, если

⁶² Migne, 100, 504 (ch. 70).

⁶³ P. 508.

⁶⁴ Ed. de Boor, p. 69.

⁶⁵ Ἔργον γὰρ τῆς Σκυθικῆς μαχαίρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στράτευμα.

в чисто богословском трактате, каким является *Antirrheticus*, автору-иерарху приходилось углубляться в такие батальные сюжеты.

В таком, уже не чисто богословском, произведении, как Хронография, этот полемический задор должен был выразиться еще более прямолинейно у автора — исповедника православия и поборника угнетаемого монастырства. Отсюда становится совершенно ясным отношение Феофана к его источнику и способы пользования им. Он должен был еще решительнее, чем Никифор в *Антирретике*, перерабатывать иконоборческую хронику, делать пропуски, уверенно перетолковывать факты со своей точки зрения и во имя своей правды, чтобы обесцветить богоборческие царствования, чтобы лишить их ореола блеска и удач, чтобы в результате с облегченным сердцем бросить подобно Никифору риторический вопрос — *διὰ τοῦτο ἐπαγάλλη τοῖς χρόνοις καὶ ταῖς εὐημερίαις; μέγала σοὶ τὰ παρόντα καὶ τοῦ παντός θαύματος ἄξια*. Феофан не раз в рамках данного периода обнаруживает и свое знакомство с иконоборческим хвалебным представлением о деятельности и Льва III и Константина V и заявляет о необходимости бороться с ним и восстановить истину на пользу заблуждающимся.⁶⁶ Эту задачу, несомненно, он и ставит себе в этой части своего труда. В отношении к деятельности Льва III и Константина V, за исключением „иконоборческой“ ее линии, он явственно кладет в основу своей работы предшествующую ему хронику. Выписывая довольно исправно сообщения о фактах и явлениях более или менее безразличных, т. е. таких, которые могли, как второстепенные, стоять и в иконоборческой хронике, не умаляя блеска и величия императоров, не могли шокировать и православного читателя в православной Хронографии, — Феофан все-таки старался расположить и оттенить их так, чтобы глубокомысленный читатель и в них должен был почуять мрачный и зловещий отзвук. Таковы известия о кометах, землетрясениях, затмениях, морозах, нашествиях и спорадических погромах варваров, междоусобиях в арабской среде, безнаказанных утеснениях христиан арабскими правителями и т. п. Сталкиваясь, однако, в предлежавшей ему иконоборческой хронике с событием более значительным, Феофан уже настораживался и принимался за существенную переработку или за „разъяснение“. Оттого в его повествовании мы и встречаем, к немалому изумлению, и опровержения и настоящие полемические выпады против определенного изображения или толкования данного факта, которые Феофан мог найти только в своем источнике. В результате получалось или умаление события, или же сообщение ему своеобразного смысла и значения.

Примеры такой беззастенчивой переработки повествования, несомненно расположенного к императорам-иконоборцам, подмечаются без всякого труда на всем протяжении данного отдела летописи Феофана. Все три крупных отпора арабам, организованных энергией и искусством Льва III, 717, 725 и 739 гг., даже в арабских источниках оцененные как имевшие решающее значение и действительно сыгравшие на Востоке такую же поворотную роль, как и знаменитая победа Карла Мартелла при Пуатье на Западе, изображены Феофаном так, что в них трудно даже разглядеть настоящие победы. В первом событии, 717 г., он все время заслоняет геройство и активность императора Льва III божьей помощью и молитвами пречистой Богородицы⁶⁷ и в конце заключает весь эпизод

⁶⁶ Кроме Theoph., 413,10—18, еще 496,8—11; 501,24—26.

⁶⁷ Theoph., 396,15: ἐβούλοντο γὰρ τῇ αὐτῇ ἑσπερα εἰς τὰ παράλια προσορμίσαι τεῖχῃ καὶ τοὺς αὐχένους εἰς τὰς ἐπάλλξεις ἐπιθῆναι. ἀλλὰ τὴν βουλήν αὐτῶν διεσκέδασεν ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου. Τῇ δὲ αὐτῇ νυκτὶ τὴν ἄλυσιν ἐκ τῶν Γαλάτου ὁ... βασιλεὺς μυστικῶς συνέστειλεν... 397,9: Μαρῶν δὲ δι' αὐτῶν ὁ βασιλεὺς περὶ τῶν κρυπτομένων

таким нравоучительным толкованием неудачи арабов: „καὶ πολλὰ αὐτοῖς συνέβησαν δεινὰ ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ὥστε ἐπιγινῶναι αὐτοὺς τῇ πείρᾳ ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ παναγία παρθένος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασίλειον, καὶ οὐκ ἔστιν ἐγκατάλειψις τελεία θεοῦ ἐν τῷ ἐπικαλουένοισι αὐτὸν ἐν ἀληθείᾳ, εἰ καὶ πρὸς βραχὺ παιδεύομεθα διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν“. Получается впечатление (и Феофан на него именно и рассчитывал), что арабов поразили стихийные неудачи, ниспосланные свыше на защиту великого города — столицы христианства ради взывающих к богу в правде. Роль же и заслуги императора Льва III, которые были выдвинуты в источнике, затушеваны и сведены на-нет.

Вторая крупная катастрофа арабов при Никее 725 г. излагается у Феофана с явной полемикой против эксцерпируемой иконоборческой хроники, в которой победа изображалась как награда за благочестие,⁶⁸ причем, очевидно, там была ссылка на заявление в этом смысле самого императора Льва III (ὡς ἐκεῖνος ἠύχει). У Феофана арабы после долгой осады Никее, уже овладев частью стен, удалились сами, благодаря исключительно молитвам почитаемых там святых отцов, по неисповедимым решениям господина бога и в обличение тирана.

Наконец, последняя славная победа над арабами при Акроине, одержанная под совместным командованием Льва III и Константина V в 739 г., — победа, надолго остановившая продвижение арабов в Малую Азию, настолько сжато и небрежно эксцерпируется из источника Феофаном, что производит впечатление незначительного проходного эпизода.⁶⁹

Та же тенденциозная переработка не удовлетворявшего своими вкусами и взглядами источника, который явственно прощупывается под грубо накинутым покрывалом „православной“ переделки, идет и далее по всему царствованию Константина V. И в отодвигающихся на второй план при этом императоре столкновениях со слабевшими арабами заметим мы здесь со стороны Феофана то же неуклонное старание умалить или свести к случаю победы и успеха Константина. Беру самые яркие случаи. Крупная морская победа 746 г., одержанная над арабами эскадрой Кивиреотов и, как надо полагать, приведшая к воссоединению утраченного о. Кипра — блестящий успех, — излагается Феофаном в таком уничтожающем контексте:⁷⁰ „παντὸς δὲ οἴκου ἐκ τῆς τοιαύτης συμφορᾶς (чума) διαφθαρέντος διὰ τὴν ἀσεβῆς γενομένην εἰς τὰς ἱεράς εἰκόνας ὑπὸ τῶν κρατούντων κατένευσεν, αὐτίκα ὁ τῶν Ἀγαρηνῶν στόλος κατέλαβεν ἀπὸ Ἀλεξανδρείας ἐν Κύπρῳ... Ὁ δὲ στρατηγὸς τῶν Κιβ. ἐπιπεσὼν αὐτοῖς αἰφνης... καὶ κρατήσας τὸ στόμιον τοῦ λιμένος, χιλιῶν δρομώνων ὄντων τρεῖς μόνους ἐξείλησάι φασιν“.

Так же небрежно и сухо выписывает Феофан из источника и известие о взятии Константином Феодосиюполя и Мелитины,⁷¹ между тем как это событие считает необходимым внести в Краткую историю патр. Никифор,

ἄπο στόλων ἐν τῷ κόλπῳ, σίφωνας πυρσοφόρους κατασκευάσας... ἐμβαλῶν... ἐξέπεμψεν. Τοῦ δὲ θεοῦ συνεργήσαντος διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς παναχράντου θεοτόκου ἐπιτοπίως ἐβυθίσθησαν οἱ ἐχθροί.

⁶⁸ Theoph., 406,16: ὑπέστρεψαν, δεικνύντος καὶ τοῦτο τοῦ θεοῦ τῷ ἀσεβεῖ (разумеется Лев III), ὅτι οὐ δι' εὐσεβείαν περιέγεγονε τῶν σμοφύλων, ὡς ἐκεῖνος ἠύχει ἀλλὰ διὰ τίνα αἰτίαν θείαν καὶ ἀπορρήτον κρίσιν, ἀποκρουσμένης μὲν τὴν τοιαυτὴν Ἀραβικὴν ἰσχύιν τῆς τῶν ἁγίων πατέρων πόλεως ταῖς αὐτῶν πρεσβείαις, διὰ τῶν ἐν αὐτῇ τιμωμένων ἀκριβεστάτων αὐτῶν χαρακτηρηῶν εἰς ἔλεγχον δὲ καὶ ἀναπολόγητον κρίσιν τοῦ τυράννου καὶ βεβαίωσιν τῶν εὐσεβούντων.

⁶⁹ Theoph., 411,21 οἱ δὲ περὶ τὸν Μελίχ καὶ Βατάλ ἐν τῷ Ἀκροίνῳ καταπολεμηθέντες ὑπὸ Λεοντος καὶ Κωνσταντίνου ἠττήθησαν.

⁷⁰ Theoph., 424,1—7.

⁷¹ Theoph., 427,14: καὶ τῷ αὐτῷ χρόνῳ Κ. τὴν Θεοδοσιούπολιν παρέλαβεν ἅμα τῇ Με-

а арабский историк Ал-Балад'ури⁷² этой удаче Константина придает важное значение и говорит о дальнейших успехах византийского оружия (взятие крепости Клавдии и движение Константина до Арсомосата). Зато не без злорадства заносит Феофан такой контекст:⁷³ „καὶ ἐπεστράτευσαν (Ἄραβες) τὴν Ῥωμανίαν καὶ ἠχμαλώτευσαν πολλοὺς καὶ Παῦλον, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀρμενιάκων πολεμήσαντες εἰς τὸν Μέλαν ἀνείλον μετὰ πλήθους στρατοῦ καὶ μβ' ἐπισήμους ἀνδρας δεσμίους ἤγαγον καὶ κεφαλὰς πολλὰς. ὁ δὲ βασιλεὺς (ирония!) ἐπεστράτευσεν τὴν Βουλγαρίαν... καὶ πολλοὺς τῶν αὐτοῦ ἀνείλον οἱ Βούλγαροι, ἐν οἷς καὶ Λέοντα... καὶ Λέοντα ἕτερον... καὶ λαὸν πολὺν, καὶ ἔλαβον τὰ ἄρματα αὐτῶν...“

Поскольку, однако, Константин V прославлялся в военно-иконоборческой среде главным образом как первый великий болгаробойца, — о чем не раз не без злобной иронии⁷⁴ заявляет и сам Феофан, главное его переоценивающее внимание и сосредоточивается на опровержении славы Константина V, как победителя и сокрушителя болгар, — славы, которая, как видим, была прочной и громкой еще в 813 г., т. е. через сорок лет после его кончины и во время составления труда Феофаном.

В повествовании о войнах Константина V с болгарами особенно явно обнаруживается беззастенчивость и произвол Феофана в передаче и искажении иконоборческой хроники, так как здесь на помощь может быть призван вновь более сдержанный, по крайней мере, в своей 'Ιστορία Σύγτομος патр. Никифор, тоже хотя и сжато, но довольно исправно излагающий эту сторону дела. Приходится прежде всего повторить, что никакого сомнения быть не может в том, что оба историка эсцерпируют один и тот же иконоборческий источник. В этом убеждают нас приведенные выше сопоставления соответствующих мест Феофана и Никифора и обнаружение явных близостей между ними не только по составу повествования, но и в выражениях, и в словах. Тем любопытнее и характернее для Феофана оказываются крупные расхождения между ними и противоречия в сообщениях о войнах с болгарами, несмотря на выписывание одной и той же летописи.

3

Первая же болгарская война 50-х годов изображается у Феофана и Никифора совершенно различно. Происхождение ее и начало еще излагаются в согласии:

Theoph., 429,¹⁹⁻³⁰ Ὁ δὲ βασ. Κωνστ. Σύρου τε καὶ Ἀρμενίου, οὓς ἤγαγεν ἀπὸ Θεοδοσιουπόλεως, καὶ Μελιτηνῆς, εἰς Θράκην μετῴκισεν... Τῷ δ' αὐτῷ χρόνῳ

Nisephorus, 66,^{11-67,3}... Κωνστ. ἤρξε δομεῖσθαι τὰ ἐπὶ Θράκης πολιόμενα, ἐν οἷς οἰκίζει Σύρους καὶ Ἀρμενίους. οὓς ἐκ τε Μελιτηναίων πόλεως καὶ Θεο-

⁷² См. в *Englisch Histor. Review*, 1901, январь, стр. 88—89.

⁷³ 431,³⁻¹¹.

⁷⁴ Напр., 496,¹⁴: μακαρίζοντες Κωνσταντῖνον τὸν θεοβδέλυκτον καὶ τρισάθλιον ὡς κατὰ Βουλγάρων ἀριστεύσαντα δι' ἧν, ὡς ἐκεῖνοι ἀσεβῶς ἔλεγον οἱ τάλανες, εἶχεν εὐσέβειαν. Еще явственнее 501,²⁻¹² и 23—27, где Феофан с нескрываемой гадливостью рассказывает, как при шестисти болгарского вождя Крума правительство императора Михаила (813) растерялось в Константинополе началась паника и как тινεὶ τῶν δυσσεβῶν (которых ниже он называет Κωνσταντῖνον τὸν Ἰουδαίφρονα μακαρίζοντες ὡς προφήτην καὶ νικητὴν) τῆς μαρᾶς αἰρέσεως τοῦ θεοστρυγῶς Κ. μοχλεύσαντες τὴν πύλιν τῶν βασιλικῶν τάφων... καὶ ἔνδον εἰς πηδῆσαντες προσέπιπτον τῷ τοῦ πλάνου μνήματι τοῦτον ἐπικαλούμενοι καὶ οὐ θεόν, „ἀνάστηθι λέγοντες, καὶ βοηθήσον τῇ πολιτείᾳ ἀπολλυμένῃ“. διαφρμίσαντες, ὅτι ἀνέστη ἔφιππος καὶ πορεύεται πολεμήσαι Βουλγάρους... Существование такой веры или легенды, с какой бы насмешкой к ней ни относился Феофан, беспощаднее всего под- рывает доверие к показаниям последнего.

ἐζήτησαν οἱ Βούλγαροι πάντα διὰ τὰ κτισθέντα κάστρα. Καὶ τοῦ βασ. ἀτιμάσαντος... ἐξῆλθον φωσατικῶς καὶ ἦλθον ἕως τοῦ Μακροῦ τείχους.

δοσιουπόλεως μετανάστας πεποίηκε... Ταῦτα τοίνυν οἱ Βουλγ. ὡς ἐπολιζόντο θεασάμενοι, φόρους ἤτουν παρὰ βασιλεῖ. δέξασθαι, Τοῦ δὲ μὴ δεξαμένου οἱ γε στρατευσάμενοι τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία κατέτρεχον καὶ μικροῦ τοῦ Μακροῦ καλουμ... τείχους ἐπεξέθεον.

Это начальное согласие делает очевидным пользование со стороны обоих писателей одним источником. Тем поразительнее дальнейшее внезапное их расхождение.

Theoph., 429,²⁹— πολλήν οὖν ἄλωσιν ἐργασάμενοι (καὶ αἰχμαλωσίαν λαβόντες) ὑπέστρεψαν ἀβλαβεῖς (εἰς τὰ ἴδια).

Theoph., 431,⁸— ὁ δὲ βασιλεὺς ἐπεστράτευσεν τὴν Βουλγ. καὶ ἐλθὼν εἰς Βερέγαβαν εἰς τὴν κλεισοῦραν, ὑπήντησαν αὐτῷ οἱ Βουλγ. καὶ πολλοὺς τῶν αὐτοῦ ἀνεῖλον, ἐν οἷς καὶ Λέοντα, πατρικίον καὶ στρατηγὸν τῶν Θρακησίων καὶ Λέοντα ἕτερον λογοθέτην τοῦ δρόμου καὶ λαὸν πολύν, καὶ ἔλαβον τὰ ἄρματα αὐτῶν. Καὶ οὕτως ἀδόξως ὑπέστρεψαν.

Nicerphorus, 66,¹⁹— ὁ δὲ ἀντεπέξῃ καὶ συμβαλὼν πολέμῳ εἰς φυγὴν ἐτρέψατο καὶ ἐδίωκεν ἀνά κράτος καὶ πλείστους Βουλγάρους ἀνεῖλε.

Nicerph., 66,²¹. Μετ' οὗ πολὺ πλοὶ καὶ πεζῇ κατ' αὐτῶν ἐστράτευσεν, οἱ γοῦν τὰς ναῦς ἔχοντες ἄχρι καὶ εἰς πεντακοσίους τὸν ἀριθμὸν συντελούσας, διὰ τοῦ Εὐξ. ἐκπεύσαντες καὶ πρὸς τῷ Ἰστροῦ γινόμενοι ποταμῷ χώρας τε Βουλγάρων ἐπίμπρασαν καὶ δοριαλώτους οὐκ ὀλίγους εἶλον. Αὐτὸς δὲ μάχῃ συμμίξας αὐτοῖς κατὰ τὰς λεγόμενας Μαρκέλλας... εἰς φυγὴν ἐτρέψατο καὶ πολλοὺς αὐτῶν ἔκτεινεν. ἐντεῦθεν ἐκεῖνοι τὸ ἦττον ἀπενεγκάμενοι περὶ εἰρήνης διεπρεσβεύοντο ἐκ τῶν οἰκείων τέκνων ὁμήρους προίεμενοι.

Данное противоречие между двумя современными друг другу историками давно уже стало камнем преткновения для исследователей. Еще Иречек,⁷⁵ столкнувшись с ним, пытался найти примирительный выход из затруднения в том, что компилировал оба ряда сведений, т. е. принимал, что после победы 755 г. византийцы потерпели поражение в 759 г. Таким образом, он дублировал поход Константина V против болгар, между тем как очевидно, что Маркельская победа и Берегабское поражение должны входить в состав одной и той же кампании, и допускал, что и Никифор и Феофан сделали невероятным образом каждый по такому пропуску с своей стороны. Всматриваясь в изложение хода событий, мы должны заметить, что оно проводится у Никифора несравненно благополучнее, чем у Феофана. Последний, очевидно, что-то скрывает, не замечая того, что у него получаются неестественности и недоразумения. Болгары, дойдя до Длинной Стены и захватив полон, безнаказанно удалились во-свояси, и только через четыре года император впервые решается взяться за оружие против них. А между тем еще годом раньше он, по уверению Феофана, — τὰς κατὰ τὴν Μακεδονίαν Σκλαβινίας ἡχμαλώτευσεν καὶ τοὺς λοιποὺς ὑποχείρους ἐποίησεν, каковая операция была бы мыслима и понятна только в том случае, если бы Константин предварительно отразил болгар в глубь полуострова. Далее, если экспедиция 759 г. окон-

⁷⁵ Geschichte d. Bulgaren, 1876, p. 141

чилась такой, действительно, крупной неудачей, как Верегабское поражение (в изображении Феофана), едва ли понятно, почему разбитый император медлит затем с отмищением варварам целых три года и дожидается, когда новый вождь болгар Телетцес вызывает *casus belli*. Недоразумения в изложении Феофана этим не кончаются: если болгары проявили такой подъем духа, добились таких прочных успехов, проведя победоносно два больших похода против Византии, под руководством своих национальных вождей, почему в их среде могло возникнуть недовольство последними и почему они провозглашают нового вождя Телетцеса, который, однако, держится прежнего политического курса и первым долгом производит набег на Фракию? Принимаем во внимание то обстоятельство, что этот Телетцес был немедленно же свергнут болгарами, как только он потерпел поражение от византийцев,⁷⁶ а также и то, что сменившего его Сабина постигла такая же печальная участь за то, что он просил мира у императора,⁷⁷ мы можем догадываться о великой растерянности и сумятице среди болгар, сменявших одного вождя на другого и искавших такого, который бы спас Болгарию от угрожавшего покорения империи. Более всего похоже на то, что каждый из свергавшихся вождей вызывал один и тот же упрек, который был предьявлен последнему из них, Сабину: „διὰ σοῦ ἡ Βουλγαρία μέλλει δουλοῦσθαι τοῖς Ῥωμαίοις“.

И первый из них, двойной победитель римлян, по Феофану, Кормесий пал не по странной неблагодарности своего народа, а потому, что, если верить изложению патр. Никифора, он был дважды разбит Константином V и принужден был униженно просить у него мира. В повествовании патр. Никифора весь ход событий получает смысл и понятную последовательность, и эти достоинства привлекают к нему наше доверие. Перед ним, как и перед Феофаном, лежало обстоятельное и подробное, может быть, и панегиристическое изложение первых болгарских побед Константина V. Никифор тоже убрал хвалебный и прославляющий тон, выбрал самое существенное и сухо, но добросовестно вписал основные события в свой „конспект“. Феофан, увлекаясь своей заветной задачей развенчать Константина V и выявить настоящую правду об этом „quasi-победителе и пророке“, слишком решительно перегибал дугу в обратную сторону. Разрушая панегиристический тон того же источника, он захватывал вместе с его покровом и само фактическое содержание, слишком старался не поверить рассказу „заблуждавшегося“ приверженца Константина. В первом эпизоде он выдвинул на первый план то обстоятельство, что болгары допущены были в своем нашествии до самой Длинной Стены, но отнес на счет пристрастия хрониста данный им Константином V отпор. Во второй кампании (755 г.?, 759 г.?) он также старался найти некоторый омрачающий момент; он и нашел его в неудачном столкновении в Верегабе, стоившем римлянам жизни двух видных сановников. Можно допустить, что это сообщение стояло и в источнике, но там оно было заслонено последовавшим крупным торжеством византийского оружия при Маркеллах. Из такой перспективы и исходил Никифор, миновавший в своем кратком изложении незначительную, проходную заминку в Верегабе. Феофан в полемическом задоре заслонил Верегабой Маркеллы, рассуждая, что нельзя считать победоносным походом тот, в котором имела место Верегаба, и если „пристрастный“ иконоборческий автор пытался выдвинуть вперед дело под Маркеллами, то глубокомысленный и справедливый историк должен во имя восстановления истины поступить как раз наоборот.

⁷⁶ Theoph., 433, 4.

⁷⁷ Ibid.

Если мы продвинемся дальше в своих наблюдениях над изложением у Феофана борьбы Константина V с болгарским натиском, то и в изображении центрального ее момента, решительного разгрома болгар при Анхиале (762 г.), который, судя по некоторым указаниям самого же Феофана, а главное патр. Никифора в его Третьем Антирретике, представлялся современникам славнейшим делом императора Константина V,⁷⁸ мы без труда обнаружим явные признаки переработки и переистолкования какой-то уже установившейся передачи этого события, — конечно, той, которую он застал в своем источнике. Что осталось от этой последней в редакции Феофана — определить уже довольно трудно: крупная победа, которая, судя по всему, была нарисована, пусть даже в приподнятом тоне, там исчезла под его беспощадно развенчивающей рукой: налицо только дикая резня с пятого часа до позднего вечера, окончившаяся все-таки бегством Телетцеса и избиением и пленением множества болгар. Патр. Никифор в *Ἱστορία Σύντομος*, вне всякого сомнения экцерпирующий тот же источник, что и Феофан, также очень сухо и холодно передает событие, а что он к этой прославленной победе Константина V, к предмету его особенной гордости, относился весьма скептически, мы узнаем из вышеприведенного разрушительного изображения Анхиальского одоления в Третьем Антирретике.⁷⁹ Здесь полемика с иконоборческим источником и опровержение его доведены до высшей степени напряжения, но несомненно, те же тенденции сильно выражены и в *Ἱστορία Σύντομος*, и главное, в передаче Феофана:

Theoph., 432,²⁹: Τῇ δὲ 15' τοῦ Ἰουνίου μηνὸς ἐξῆλθεν ὁ βασι. ἐπὶ τὴν Θράκην ἀποστείλας καὶ πλώμιον διὰ τοῦ Εὐξ. Πόντου ἕως α' χελανδίων ἐπιφερομένων ἀνά 15' ἰππων. Ὁ δὲ Τελέτζης ἀκούσας... λαβὼν εἰς συμμαχίαν ἕκ τῶν πρ. ἐθνῶν χιλιάδας κ'... ἠσφαλίσατο ἑαυτόν. Ὁ δὲ β. ἐλθὼν ἠπλήκυσεν εἰς τὸν κάμπον Ἀγχιάλου. Καὶ τῇ 1' τοῦ Ἰουνίου μηνὸς... ἐφάνη Τελέτζης μετὰ πλήθους ἐθνῶν ἐρχομενος, καὶ συμβαλόντες πόλεμον κοπτοῦσιν ἀλλήλους ἐπὶ πολὺ, καὶ τραπέις Τελέτζης ἔφυγεν. ἐκράτησε δὲ ἡ μάχη ἀπὸ ὥρας ε' ἕως ὀψέ, καὶ πολλὰ πλήθη Βουλγάρων ἀνηλώθησαν, πολλοὶ δὲ καὶ ἐχειρώθησαν, ἄλλοι δὲ καὶ προσεῤῥύθησαν. Ὁ δὲ βασι. ἀρθεὶς τῇ τοιαύτῃ νίκῃ, ἐθριάμβευσε ταύτην ἐπὶ τῆς πόλεως, ἀρματω-

Nicserh., 69,³: Избрание Телессия вождем совпадает с Феофаном, и далее: οὗτος (Τελεσσ.) λαὸν συναγείρας ὀπλίτην καὶ μάχιμον τὰ πλείσταιτερα τῶν Ῥωμαίων χωρία καὶ φρούρια κατέτρεχε καρτερῶς. Οὐ τὸ θρασὺ καὶ αὐθάδες Κωνστ. θεασάμενος ναῦς ἵππαγωγούς ἄχρι καὶ εἰς τὰς ὀκτακοσίας κατεσκεύασε καὶ ταύτας ἵππικῶν στρατῶν πληρώσας, διὰ τοῦ Εὐξ. πρὸς τὸν Ἴστρον ἐξέπεμψε. Αὐτὸς δὲ στρατὸν ἕτερον ἐπαγόμενος πρὸς Ἀγχιάλον πόλιν παραγίνεταί. Καθ' ὃν Τ. ἐξέρχεται ἔχων εἰς συμμαχίαν καὶ Σκλαβηνῶν οὐκ ὀλίγα πλήθη. Καὶ ἠττηθεὶς μάχῃ εἰς φυγὴν ἐτράπετο. Πλείστοι δὲ τῶν πολεμίων ἀφ' ἑκατέρου μέρους πίπτουσι, καὶ ἄλλοι οὐκ ὀλίγοι καὶ τῶν ἐπιφανέστερων ἐζωγρήθησαν. Οὕτω τε τοῦ πολέμου κρα-

⁷⁸ Никифор с сарказмом ссылается при этом на торжественный „манифест“ самого императора, которым он оповещал население столицы о победе и в котором он сам очень высоко оценивал этот успех. Этот манифест Никифор называет известным (ἡμῖν... ἐγνωσται): вероятнее всего, он был включен в ту иконоборческую хронику, которой пользовались и Никифор и Феофан. Последний дает след этого восторженного донесения Константина в выражении: ὁ δὲ βασιλεὺς τῇ τοιαύτῃ νίκῃ ἀρθεὶς.

⁷⁹ Migne, 100, 503 B.: Ἐπειδὴ παρεσκευαστο τὸ πρὸς δυσμαχίς ἡμῖν ὀκισμένον Σκυδικὸν ἔθνος ἀμύνασθαι, συναδροῖζει δὴ ἅπαν τὸ ὑπ' αὐτῶν στρατεύμα' εἰς χειράς τε τοῖς πολεμίοις ἰών, ὁποῖον αὐτῶ τὸ τοῦ πολέμου τέλος κατώρθωτο, μαρτυρεῖ τὰ φαινόμενα μέχρι γὰρ καὶ σήμερον τὰ κατὰ τὴν Ἀγχιάλον καλουμένην πόλιν, κοίλα καὶ πεδίασιμα χωρία, ἃ τῶν ἀνηρημένων τὰ κώλα ἐδέξατο ὑποδείκνυσιν. Ἔργον γὰρ τῆς Σκυδικῆς μαχαιρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στρατεύμα...

μένος σὺν τῷ στρατῷ εἰσελθὼν, εὐφημούμενος ὑπὸ τῶν δῆμων καὶ βυλοπανδοῦροις σύρων τοὺς χειρῶθέντας Βουλγάρους, οὐς ἔξω τῆς Χρυσῆς πόρτης ἀποτμηθῆναι ἔκέλευσεν ὑπὸ τῶν πολιτῶν (подчеркивается в триумфе излишняя жестокость quasi-победителя).

τήσας πρὸς τὸ Βυζ. Κ: ᾤχετο καὶ οὐς ἐπήγετο τῶν ἐζωγημένων τοῖς τε πολίταις καὶ τοῖς ἐκ τῶν λεγομένων χρωμάτων δημόταις ὡς ἀναίρησιν αὐτοχειρῆς παραδιδῶσιν. Οἱ δὲ λαβόντες ἔξω τειχοῦ τοῦ πρὸς τῷ χερσαίῳ κειμένου ἀνείλον. καὶ τούτων τὰ λάφυρα τὸν ἱππικὸν ἄγωνα θεώμενος ἐδριάμβευσεν...

Если бы Феофан не выдал себя саркастической фразой: *τῇ τοιαύτῃ νίκη ἀρθείς*, то совпадение со сдержанным вообще и сухо-корректным в *Συντορία συντομος* Никифором могло бы дать основание считать этот эпизод воспроизведенным более или менее надежно. К сожалению, однако, по крайней мере в данном случае, доверие к добросовестности патр. Никифора колеблется наличием как раз его другого изображения того же самого события. Последнее не оставляет никакого сомнения в том крайне недоброжелательном отношении к Константину V, которое заставляло его допускать явное искажение самых фактов. Едва ли под сдержанно-бесстрастной формой *Ἱστορία Σύντομος* не проводится то же переиначивающее факты опровержение. Феофан работал над тем же источником, в том же направлении. В результате у них обоих получилось упрощение и обесцвечивание фактов, даже более — карикатура на *ἡ τοιαύτη νίκη*, в которой трудно распознать действительность.

4

Приведенного материала, мне думается, достаточно для того, чтобы убедиться и в том, что в основе повествования Феофана лежит определенный источник — иконоборческая хроника царствований Льва III и Константина V, и в том, какие задачи себе ставил историк в данном отделе своей Хронографии, и в том, какими приемами пользуется он в эксцерпировании своего основного источника, а стало быть, и какова может быть степень достоверности его повествования. Теперь я считаю своевременным передвинуться с изучением к главнейшему вопросу о том, в каком смысле и в какой степени Феофан может быть признан источником специально истории так называемого иконоборческого движения, его происхождения, состава и ранних, наиболее ярких его взмахов. Я сознаю всю трудность, но и важность этого вопроса, на попытку разрешения которого в его целом до сих пор, насколько мне известно, не отваживалось исследование. Ответ на него выходит за пределы суждения только о Феофане: им предопределяется оценка достоинств вообще всего дошедшего до нас материала по истории иконоборчества, поскольку в его рядах повествование Феофана занимает, по общему признанию, центральное и определяющее место. В частичном применении, т. е. по отношению к отдельным показаниям и сообщениям Феофана в пределах „иконоборческой“ эпохи, вопрос о доверии многократно ставился и многообразно разрешался и в старых и в новых исследованиях. Одно отвергалось, другое принималось, но, в конце концов, даже наиболее скептически настроенные исследователи, как Папарригопуло, Шварцлозе, И. Андреев, Б. Мелиоранский, принуждены были принимать известный *minimum* надежного материала у Феофана, и прежде всего потому, что отрешиться от Феофана в данном случае — это все равно, что отбросить весла, сидя в лодке посреди большой реки и остаться совершенно с голыми руками.

Повторяю: Феофан особого рода и особой важности источник, который тянет за собой и все остальные. Отказаться от Феофана значило бы (по крайней мере, для прежних исследователей) поставить крест на возможности изучения фактического содержания такого значительного момента, как иконоборчество, принимать ли его в тесном или широком смысле.

До известной степени такая нерешительность критики, такая неприкосновенность Феофана обуславливались еще и его недосыгаемостью — в том смысле, что от Феофана апелляция невозможна в пределах повествования об иконоборческой эпохе: он идет во главе всего доступного нам литературного воинства — против него никого. Вся иконоборческая литература, показаниями которой можно было бы проверить его, безвозвратно и беспощадно уничтожена. Поэтому деструктивная критика его могла рассчитывать, самое большее, на то, чтобы объявить Феофана в подозрении, уничтожить отдельные эпизоды, но полный его разгром считался недоступным при наличных изученных ресурсах. Недосыгаемым для исчерпывающей и всеохватывающей критики Феофан являлся в данном отделе Хронографии и потому, что он не поддавался основному способу определения ценности его как показателя и свидетеля: он здесь не разгадался на первоисточники, хотя и было ясно, что он повествует не „от себя“, а выписывает каких-то своих предшественников, которые, однако, не дошли до нас ни в оригинальном виде, ни в переработках и цитатах.

Когда Феофан для этих близких ему и отчасти современных событий ссылается на свою аутопсию⁸⁰ или на рассказы очевидцев,⁸¹ на надежных свидетелей, мы понимаем, что это не действительное обозначение источника, а только литературно-исторический прием, принятая риторическая фигура, которая особенно настойчиво наблюдается в агиографии. Когда, на основании собственных же признаний Феофана, называющего из литературно выступавших при Льве III и Константине V поборников „православия и благочестия“ только патриарха Германа, папу Григория II и Иоанна Дамаскина, — а стало быть, их только и знавшего, — мы предположим, что свидетельствами этой троицы светильников иконопочитания он мог воспользоваться для своего повествования, то быстро должны будем отказаться от этой гипотезы. Что сочинения патр. Германа и Иоанна Дамаскина были известны Феофану, в этом сомневаться нельзя: на одно из писаний Иоанна⁸² он прямо и ссылается, равно как на послания папы Григория к императору Льву III. Следует, однако, признать, что такого рода литературные выступления, конечно, не могли стать источниками для составителя Хронографии и, насколько они нам известны, не включали в себе такого фактического материала, который мог быть включен в историческое повествование. Все эти великие затруднения на пути к определению ценности Феофана как руководящего источника по истории иконоборчества, к уяснению степени достоверности его сообщений, вполне сознаны мною. И если, тем не менее, я решаюсь вновь поставить перед собой этот роковой вопрос, то я имею на это некоторые основания, как мне кажется, выясняющиеся из предшествующих замечаний. Если предположенный „иконоборческий“ источник, который своеобразно

⁸⁰ 440: Τοῦτο δὲ τὸ θαυμαστὸν καὶ ἀξιογραφὸν θαύμα... ἡμεῖς τεθεάμεθα καὶ σὺν αὐτοῖς κατησπασάμεθα...

⁸¹ 400: ὡς φασιν οἱ ἀκριβῶς αὐτέπται γεγονότες, ὥστε φάναι Γερμανὸν προφητικῶς, ὅτι „μεγίστου κακοῦ χριστιανοῦ καὶ τῆ Ἐκκλησίᾳ διααυτοῦ μέλλοντος γίνεσθαι τὸ σημεῖον τοῦτο πέφυκον“.

⁸² На „похвалу“ дамаского митрополита Петра 417,14: Τοῦτον ἐγκωμίοις λόγων τετίμηκεν ὁ ὁσίος πατὴρ ἡμῶν Ἰωάννης, ὁ καλῶς ἐπικληθεὶς χρυσορράας...

эксцерпирует Феофан, приходилось первоначально устанавливать и чисто логическим путем, т. е. по методу вероятности и исключения, то самое обнаружение его следов внутри повествования Феофана уже убеждало в реальности этого источника и пользования им со стороны Феофана (и патр. Никифора) и укрепляло уверенность в том, что, по византийско-хронографическому обыкновению, он один и принадлежал составителю исторического труда. Явные и несомненные следы полемики и опровержений ходячих взглядов и представлений об императорах-иконоборцах у Феофана свидетельствуют об „иконоборческом“ направлении или характере этой хроники-источника, но то же самое подсказывает и то своеобразие приемов пользования ею, о котором упомянуто выше, и основу, всеоглощавшую задачу Феофана в этой последней части его Хронографии, которую можно назвать уже публицистско-поучительной. В предшествующем изложении приходилось уже формулировать ее, и сейчас следует только добавить, что, конечно, несравненно интенсивнее проводится она Феофаном именно в изображении „внутренней“ иконоборческой деятельности императоров, чем в разъяснении их внешних успехов и побед. Здесь решительнее и беспощаднее должна была идти и переработка источника, в котором необходимо стояла своя версия и об этой стороне „славной“ деятельности императоров. Если внешние успехи последних вызывали отпор и возражения со стороны православного эксцерптора, то насколько непримиримее должен он был разойтись с иконоборческим хронистом во взглядах на их реформационные попытки, которые одному представлялись „утверждением правой веры, умиротворением церкви, ликвидацией христологических споров, уничтожением идолопоклонства и устранением великой опасности для государства“, а другому — богоборчеством, нечестием, сарацинимудрственным истреблением благочестия и отвратительным разгромом церкви Христовой. Внимание изучающего невольно привлекается и еще к одному обстоятельству, не маловажному при выяснении достоверности показаний Феофана. Последний принимался за переработку „заблуждения“ и „раскрытие всей правды“ сравнительно уже поздно, во всяком случае после VII вселенского собора, т. е. когда оправившаяся среда „благочестия и православия“, — скажем прямо, монашество — сумело и успело забронироваться перенесением центра тяжести борьбы в плоскость теологических споров и превращением правительственной реформации в ересь. Такой сдвиг был и естественным в Восточной империи, где в каждое общественное движение, в каждый жизненный вопрос неуклонно влетался и богословский спор. Но такой сдвиг был и нужен и спасителен для встревоженного правительственной реформой монашества и благочестия. Что движение, возбужденное правительством Льва III и Константина V, не было только специфическим иконоборчеством, в этом, кажется, никто уже больше не сомневается. С одной стороны, сам по себе все-таки узкий вопрос о почитании икон не мог бы вызвать такого взрыва страстей и ожесточения, какими наполняются два долгих царствования, а с другой стороны, можно доказать, что споры по поводу допустимости икон и поклонения им не были неожиданный и только впервые встряхнувшей религиозное сознание новостью в начале VIII в.: это была исконная в христианской церкви и, так сказать, хроническая дилемма, то разгоравшаяся, то покрывавшаяся пеплом, начиная с самого IV в. В иконоборческое движение, несомненно, входили и иные моменты, более чувствительные и более тревожные для того весьма определенного состава „защитников православия“, который выясняется из согласия всех имеющихся в нашем распоряжении источников. Этими линиями „иконоборчества“ затрагивались

более реальные интересы того монашества, которое почти исключительно образом и заполнило кадры оппонентов правительства. Оно и поспешило слить все враждебные фронты в одно „нечестие и ересь“, поспешило в сложной борьбе выдвинуть на первый план богословское расхождение в области отношения к иконопочитанию, чтобы главным образом уличить противников в ереси и попытаться подорвать к ним доверие со стороны возможно более широких кругов. Недаром в иконоборческой среде „сочинителем зла“ называется Иоанн Дамаскин, как первый поборник „иконодулии“. Эта диверсия партии „благочестия“ оказалась до некоторой степени удачной, и именно в том смысле, что старинный вопрос об иконах действительно выдвинулся на видное место и вызвал крупную и долго не затихавшую полемику и что правительственно-реформационной стороне уже при Константине V пришлось перейти от наступления к обороне, т. е. значительную часть энергии отвести на диалектическое и историческое обоснование чисто богословских вопросов. Доказательством этих положений, высказанных пока мимоходом, я, конечно, считаю своим долгом заняться в соответствующем месте своей работы. Здесь же я привел их, не настаивая на них и не вводя их в качестве посылки в дальнейшем рассуждении, а только предупреждая читателя относительно моей точки зрения. Я пока еще не хочу сказать, что это так было, а лишь указываю на такую возможность, с которой необходимо считаться, приступая к оценке Феофана, как источника по истории раннего иконоборчества. Утверждать же я решаюсь только, что к началу IX в., даже, может быть, и несколько раньше, уже ко времени Никейского собора монастырско-иконодульская сторона выступала с выкованными в борьбе и полемике представлениями не только о составе и сущности иконоборчества, как зловреднейшей из ересей и сквернейшего из нечестий, как подлинного христоборчества и разгрома всего домостроительства божия, но (что для нас сейчас важнее) и о происхождении этой отвратительной „смуты“ и самом фактическом ее ходе и содержании.

Хронист-исповедник, подходя к изложению этого близкого и еще волновавшего его момента, неизбежно должен был заслонить в себе уже окончательно первый лик вторым. Он не мог этого не сделать, так как иначе ставил бы под сомнение свое исповедничество и православие, свою „акривию“, как выражались в IX в., рисковал бы быть обвиненным в „двоедушии“. Но он и не пожелал бы так поступить, как хронист, поскольку, как и все средневековые историки, он видел в себе прежде всего учителя: учительство, раскрытие для ближних и дальних правды было его целью, повествование же и рассказ — только средством или формой поучения. Одно из немногих и притом самое крупное лирическое отступление Феофана в последней части его труда как раз и посвящено выяснению основной задачи его как исторического повествователя.⁸³ „Сколь великие беды постигли христиан при нечестивом Льве, и в области правой веры и в государственном управлении... — заявляет он здесь, — трусы, глады, моры, восстания народов, дабы умолчать о прочем, выяснено в предшествующих главах. Надлежит далее по порядку изложить и беззаконные дела его нечестивого сына, но по всей правде, как под взором всевидящего бога, и не мудрствуя лукаво, на пользу грядущих поколений

⁸³ Theoph., 413,4—15: „Καὶ ὅσα μὲν ἐπὶ Λέοντος τοῦ ἀσεβοῦς κατὰ χριστιανοῦς συνέβη περὶ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν καὶ περὶ τῶν πολιτικῶν διοικήσεων... σεισμοὶ τε καὶ λιμοὶ καὶ λοιμοὶ καὶ ἐθνῶν ἐπαναστάσεις, ἵνα τὰ κατὰ μέρος σιγήσω ἐν τοῖς προλαβοῦσι δεδηλωταὶ κεφαλαίαις. ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐφεξῆς καὶ τοῦ συσσεβοῦς παιδὸς αὐτοῦ τὰς ἀφαιμίτους διεξελθεῖν πράξεις... φιλαλήθως δὲ ὁμῶς, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντοκράτου θεοῦ, καὶ ἀπερίστως εἰς ωφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς νῦν πλανωμένοις ἀδελοῖς (καὶ ἀτασθαλοῖς ἀνδραρίοις) εἰς τὴν κακοδοξίαν, ...“

и в опровержение ныне заблуждающимся жалким и бестолковым людишкам...“

При таком понимании задач историка Феофан, конечно, и самую историческую правду понимал или принимал довольно своеобразно: это не тот фактический материал, который с убедительной достоверностью засвидетельствован в его источниках, а нечто особое, что он призван возвестить в назидание и утешающее разъяснение и современникам и потомкам, под всепроницающим оком всевышнего, часто наперекор обычному и распространенному заблуждению. Историк чувствует себя своего рода пророком, по вдохновению, ниспосланному свыше, осмысливающим вороха и вереницы фактов прошлого, разгадывающим предназначения и указания перста божия, своеобразно предсказывающим в области прошлого. Но тогда у него уже легко исчезают границы между действительно происходившим и долженствовавшим или только могшим произойти. Где в качестве основного тона звучит поучение, там нет препятствий для проникновения в историческое повествование личного творчества, т. е. то выдумки, то сознательного умолчания — во имя все той же особой „правды“, в которую историк верит даже беззаветнее, чем в действительность; там нет помех и стеснений перед произвольной переработкой сообщений, вычитанных или выслушанных от „неумудренных“ предшественников. Вот те особенности Феофана, как средневекового византийского историка, которые при оценке его труда как источника не позволяют ограничиться только общепринятой элементарной критикой достоверности. Здесь дело обстоит явно много сложнее, а в то же время обычные критические приемы не приводят к удовлетворительным результатам: с одной стороны, каковы бы ни были источники Феофана, все они, как мы уже видели, безнадежно безлики, а с другой — он и не думал ссылаться или опираться на них и справлялся с ними произвольно и без стеснения. В смысле нашей достоверности тут все равно уже трудно, даже прямо невысказано отличить правду от лжи. И мне думается, что самое правильное и плодотворное у Феофана — пытаться расследовать прежде всего степень его фактичности, реальности его сообщений, т. е. взвесить, насколько содержательна та правда, которой он наполняет свой исторический рассказ.

(Продолжение в следующем томе)

